

годъ XL.

Еженедѣльное

іюня 7-го 1908 г.

изданіе.

№. 23.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Подписная цѣна: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р., на мѣсяць 40 к.

Съ доставкой и пересылкою на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Отдѣльные №№ продаются въ Редакціи Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер. Епархіальный домъ, редакція „Моск. Церк. Вѣдомостей“.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки: за 1 разъ 30 к., за 2 раза 50 к., за 3 раза 70 коп., на годъ—по особому словію.

Остающіеся номера „Благовѣста“ за 1906 и 1907 г. можно выписывать изъ редакціи по 50 к. за 100 экз. съ пересылкой 60 к.

Выписывающіе 1.000 экз. платятъ 5 р. съ пересылкой.

Соціалъ-демократія и будущій общественный порядокъ.

(Продолженіе. См. № 22).

Бebelъ пишетъ: „наше „христіанское“ государство, христіанства котораго тщетно ищутъ тамъ, гдѣ бы оно должно себя проявлять, и находятъ тамъ, гдѣ оно излишне или вредно, это христіанское государство дѣйствуетъ точь въ точь какъ христіанская буржуазія, что не удивляетъ

того, кто знаетъ, что христіанское государство есть только *приказчикъ* нашей христіанской буржуазіи“. Онъ разсуждаетъ о новомъ нѣмецкомъ государствѣ такъ же, какъ Энгельсъ. Онъ думаетъ что оно находится въ такомъ же или подобномъ положеніи, какъ нѣкогда подгнившее царство цезарей (!).

Свой крайне безотрадный выводъ изъ всего многотысячелѣтнаго развитія государственной идеи Энгельсъ резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: „алчность и любостыжаніе было движущей душою цивилизаціи отъ перваго дня ея и до сего времени; богатство, богатство и снова богатство, и притомъ не общества, а отдѣльнаго индивидуума—было ея единственною вождельною цѣлю“. Если и было присуще ей возрастающее развитіе науки и, въ нѣкоторые періоды, высокое процвѣтаніе искусствъ, то это потому только, что безъ этого не было бы возможно полное приобрѣтеніе богатства нашего времени“.

Что касается послѣдняго вывода, то его смыслъ или настолько возвышенъ, что я его не понимаю, или онъ есть чистое безуміе, которое, всего вѣроятнѣе, заключаетъ въ себѣ предположеніе, что искусство и науки суть сорныя растенія, покорные слуги капитализма, украшающіе жизнь послѣдняго—и въ этомъ случаѣ онъ недалекъ отъ безумія. Такимъ образомъ, государство было и въ началѣ, и въ срединѣ и въ концѣ дурное, вредное, неисправимое установленіе, а потому оно необходимо должно быть устранено и замѣнено другимъ, лучшимъ общественнымъ строемъ, такимъ строемъ, который способенъ былъ бы освѣстлить все человѣчество. Энгельсъ поясняетъ: „государство было оффиціальнымъ представителемъ или депутатомъ всего общества, но оно было таковымъ настолько, насколько оно было государствомъ того класса, который представлялъ собою цѣлое общество. Когда же оно, наконецъ, становится дѣйствительно представителемъ всего общества, тогда оно дѣлается излишнимъ. Коль скоро не существуетъ болѣе ни одного общественнаго класса, который нужно бы удерживать въ угнетеніи, коль скоро устранено сословное господство и отсюда происходящія коллизіи, то ничего уже не остается, что бы дѣлало необходимыми репрессивныя мѣры и власть. Первый актъ, въ ко-

торомъ государство дѣйствительно выступаетъ, какъ представитель цѣлаго общества, есть вмѣстѣ и послѣдній его актъ, какъ государства“. Для насильственного истребленія упорныхъ капиталистовъ „государство“ признается еще нужнымъ. Бебель говоритъ: „вмѣстѣ съ государствомъ исчезнутъ и его представители: министры, парламенты, существующее войско, полиція и жандармы, судьи, судебные и государственные стряпчие, сыщики, словомъ,—весь полицейскій аппаратъ“. Что будетъ съ царями и королями, это пусть храброму подскажетъ его мужество“. Подобное выражаетъ и проектъ новой социаль-демократической программы. Онъ изображаетъ въ своемъ введеніи неисцѣлимое состояніе капиталистическаго хозяйства и продолжаетъ: „это состояніе день отъ дня становится невыносимѣе; положить ему конецъ и сдѣлать улучшеніе рабочаго класса есть цѣль и задача социаль-демократіи. Соціалистическая партія Германіи стремится, поэтому, превратить рабочія силы и средства въ достояніе и собственность общества и производство капиталистовъ въ производство социаль-демократовъ“.

Когда же и какъ произойдетъ это превращеніе? „Когда для бюрократическаго міра прогудитъ смертный ударъ колокола“? Подобные вопросы—щекотливаго характера, а отвѣты на нихъ по извѣстнымъ причинамъ еще щекотливѣе. Хотя походъ противъ теперешняго государства, для нетерпѣливыхъ и ползадоренныхъ и недовольныхъ не слѣдуетъ отодвигать въ дальній ящикъ, однако, въ виду полиціи и войска, которые еще имѣютъ и проявляютъ власть, не слѣдуетъ открывать плановъ ниспроверженія и уничтоженія его.

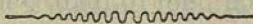
Кто хочетъ имѣть свѣдѣніе о „превращеніи“, объ этой великой „катастрофѣ“, тому необходимо прочесть между строками, чтобы отгадать смыслъ затаеннаго въ нихъ. Попробуемъ это сдѣлать. Бебель, намекая на это, говоритъ,— что одна европейская война можетъ произвести такую катастрофу, которая, въ свою очередь, можетъ погубить гражданское общество. Онъ увѣряетъ: „мы думаемъ и убѣждены, поэтому, что въ извѣстное время все разнообразное зло достигнетъ такихъ размѣровъ, что оно для большинства сдѣлается не только очевиднымъ, но и на-

столько дастъ почувствовать свою тяжесть, что станетъ невыносимымъ; и тогда оно вызоветъ во всемъ обществѣ неудержимый порывъ къ ниспроверженію всего существующаго строя“.

Когда наступитъ это извѣстное время?—Бebelъ, отвѣчая на это, старается внушить своей партіи мысль, что цѣлесообразною дѣятельностію его можно скоро приблизить. Чтобы какой-нибудь гражданинъ не вздумалъ убаюкивать себя мыслью, что онъ уже не доживетъ до „потопа“, что это „катастрофа“ еще далека, Bebelъ открыто говоритъ: „девятнадцатое столѣтіе близъ этого и едва ли придетъ къ концу, какъ эта социальная борьба сдѣлаетъ рѣшительный шагъ“.

Слѣдовательно, не въ дали, но предъ нами то время, когда будетъ сдѣлана, по крайней мѣрѣ, попытка къ уничтоженію настоящаго общественнаго порядка со стороны социаль-демократической партіи, и именно при первомъ удобномъ случаѣ, благопріятствующемъ успѣху адскаго дѣла. Но кто пойдетъ противъ этой попытки, кто не будетъ сочувствовать этому новому общественному порядку, тотъ будетъ уничтоженъ вмѣстѣ съ государствомъ. Приведеніе этого плана въ исполненіе совершено будетъ путемъ самаго грубаго насилія. Сперва силою будутъ лишать собственности и производительныхъ средствъ, дѣлая все это достояніемъ всѣхъ. Если Марксъ клеймитъ отнятіе церковныхъ имуществъ, какъ хищеніе или воровство, то и отнятіе частной собственности, есть то же самое. Bebelъ пишетъ: „итакъ, если всякое общественное зло безъ исключенія имѣетъ свой источникъ въ социальномъ порядкѣ вещей, то-есть, какъ показано выше, коренится въ капиталистическомъ частномъ хозяйствѣ, основывается на угнетеніи и выжиманіи выгодъ изъ человѣка чрезъ человѣка и поддерживается только тѣмъ, что капиталисты суть хозяева всѣхъ рабочихъ средствъ, какъ, на примѣръ, земли, машинъ, земледѣльческихъ орудій, всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ средствъ, а также и питанія, то нужно, прежде всего, эту частную собственность превратить чрезъ большую экспропріацію въ общественную собственность“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Келейный дневник Московскаго митрополита Филарета.

(Окончаніе. См. № 22).

Н о я б р ь .

$\frac{1}{13}$ вторн. Космы и Даміана.

1843. Въ прошедшій понедѣльникъ путешествовали мы въ Коломну около 12 часовъ, а нынѣ нѣсколько болѣе. Съ печалію начатый путь кончился съ утѣшеніемъ и благословеніемъ. Господи сохрани дарованное.

$\frac{11}{23}$ пятн. Св. м. Мины.

1836. По случаю недовольнаго вниманія къ празднику Михаила Архангела, сказано во снѣ.

Земля празднуетъ ихъ дни; и они горькую обязанность имѣютъ быть на землѣ. Потому надобно съ ними соединяться. Они просятъ нашихъ молитвъ, и говорятъ: Мы принесемъ ваши молитвы уже очищенные нашимъ посредствомъ предъ Престоломъ Всевышняго.—Предсѣдательство Святыхъ есть звѣно соединяющее слабое существо земныхъ съ Небомъ.

$\frac{12}{24}$ Субб. Иоанна Милостиваго.

1837. Постриженіе Алексія въ Чудовѣ, въ присутствіи Великихъ Княжнъ и Великаго Князя Константина.

$\frac{13}{25}$ воскр. Иоанна Златоустаго.

1828. Погребеніе Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны. При немощи въ прошедшей ночи, около семи часовъ непрерывно въ облаченіи прожилъ я съ опасеніемъ, по милости Божіей, безвредно. Что же однако далѣе?

Подписано опредѣленіе С. Синода, утверждающее катихизисы, пересмотренный пространный и новый краткій со священною исторіею, и прибавленіями для военнаго званія.

$\frac{18}{30}$ пятн. Муч. Платона.

1828. Былъ я у Государя Императора въ собственномъ дворцѣ, послѣ тамошней литургіи.

$\frac{19}{1}$ дек. Субб. Св. Прор. Авдіа.

Въ 1843 г. родится въ Польшѣ въ низкомъ сословіи чело-вѣкъ, который будетъ сосланъ бѣглымъ солдатомъ, уйдетъ, очутится во Франціи, и будетъ важнѣе Наполеона.

$\frac{20}{2}$ дек. Воскр. Преп. Григорія. Дек. и Прок.

$\frac{21}{3}$ дек. Понед. Входъ Богородицы.

1837. Предъ столомъ Государь Императоръ изъявилъ мнѣ Высочайшую волю отправиться въ Петербургъ къ Синоду.

$\frac{22}{4}$ дек. Втор. Ап. Филимона.

$\frac{23}{5}$ дек. Среда. Амфилохія и Григорія.

Объявлено С. Синоду Высочайшее повеленіе утверждающее катихизисы.

Декабрь.

$\frac{3}{15}$ субб. Прор. Софонія.

Іоаннъ, послѣ епископства, Молчальникъ, не скоро узанный Саввою Освященнымъ, посѣщеніе Саввы отклонивъ, замѣняетъ бесѣдою чрезъ сновидѣніе.

(Чет. Мин.).

$\frac{4}{16}$ воскр. Вел. мчц. Варвары.

— Премѣннѣшимся двумъ человѣка частемъ въ третію и первѣйшую.

(Чет. Мин. Жит. Іоан. Дамас.).

$\frac{5}{17}$ понед. Преп. Саввы.

$\frac{6}{18}$ втор. Св. Николая Чудотв.

1830. Снято оцѣпление Москвы.

$\frac{11}{23}$ воскр. Преп. Даніила.

$\frac{12}{24}$ понед. Преп. Спиридона.

1837. Мы изъ Москвы вечеромъ.

1844. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ скончался 22 ноября; 8 декабря получилъ я о семъ извѣстіе; 9 и 10 было поминаеніе; а 12 утромъ, послѣ того, какъ я всталъ отъ сна, часу въ седьмомъ, въ дремотѣ видѣлось мнѣ, что я вошелъ здѣсь въ Москвѣ въ домъ принадлежащій будто покойному, встрѣченъ священникомъ въ облаченіи съ крестомъ, приложась ко кресту и взявъ его, и держа лицемъ къ себѣ, вошелъ я въ другую комнату, посреди ея стоялъ столъ, въ глубинѣ комнаты стояла высокаго роста женская особа—въ бѣлой отъ головы до ногъ одеждѣ, имѣя въ рукахъ при персяхъ бѣлый медаліонъ, подобный имѣющемуся у меня образу Крещенія Господня на бѣломъ Іорданскомъ камнѣ. Вошелъ покойный съ видомъ спокойствія и тихой радости, сѣлъ со мною на канапе, и разговаривалъ. Подъ конецъ разговора я спросилъ, сохраняется ли еще въ семъ домѣ церковь? думая при семъ вопросѣ, что хорошо было бы здѣсь совершать по немъ поминаеніе въ čtyрѣдесятый день. Отвѣта всего не помню, а только послѣднія слова: сдѣлать церковь, безъ пастыря; церковь оста-

вить, а пастыря послать. Послѣ сего Князь всталъ и выпелъ, а я проснулся!

^{13/25} вторн. Муч. Евстратiа.

^{14/26} среда. Св. м. Ѳврсѧ.

^{15/27} четв. Свящ. м. Елевферiа.

^{17/29} субб. Прор. Данила.

1837. Мы въ Петербургъ вечеромъ. Болѣзненному отъ сильной стужи въ дорогѣ, всю ночь не далъ мнѣ успокоиться, неутрахающій пожаръ Зимняго дворца.

^{18/30} воскр. Муч. Севастiana.

^{23/4} генв. Пятн. 10 муч. въ Критѣ.

О спасенiи умершихъ безъ исповѣди.

(Чет. Мин. Жит. пр. Нифонта).

Прощальное слово воспитанницамъ ¹⁾.

На одной изъ здѣшнихъ Московскихъ набережныхъ живетъ знакомая мнѣ юная чета. До послѣдняго времени я не могъ не радоваться на ея жизнь: довольные другъ другомъ, довольные своимъ положенiемъ, дружно и счастливо жили они въ своемъ не пышномъ, но уютномъ гнѣздышкѣ. Какъ дѣти, радовались они чистою радостiю предъ наступленiемъ свѣтлаго Пасхальнаго праздника. Ихъ игривое воображенiе рисовало наступающiе праздничные дни въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Но какое горькое разочарованiе приготовила имъ суровая дѣйствительность! Всего за день до Великаго праздника въ ихъ уютное теплое гнѣздышко неожиданно ворвалась могучая водяная стихiя, нанесла сюда массу грязи и нечистотъ и оставила одно лишь воспоминанiе отъ прежнихъ удобствъ, довольства, уютности и извѣстной комфортабельности. И пришлось этой юной четѣ, вмѣсто радостей и удовольствiй, бороться въ теченiе всего Пасхальнаго праздника съ обрушившимся несчастиемъ—спасать чтѣ было можно отъ конечнаго истребленiя наводненiемъ. Конечно, юные супруги мало по малу начинаютъ залечивать глубокiя раны, нанесенныя имъ благосостоянiю, но они и теперь все охаютъ и грустятъ о томъ, что не предусмотрѣли такой бѣды, не приняли противъ нея заранѣе никакихъ мѣръ, хотя могли бы это сдѣлать, тѣмъ болѣе что люди опытные настойчиво указывали имъ на возможность затопленiя ихъ жилища: понадѣялись на высоту набережной, но забыли, что въ теченiе долгой зимы скоплялись небывалыя у насъ массы снѣга, которыя при дружномъ весеннемъ таянiи и произвели небывалое наводненiе. Мы съ вами—живые свидѣтели этого страшнаго навод-

¹⁾ Произнесено при выпускѣ ученицъ 27 мая сего 1908 года въ женской гимназiи Мин. Нар. Просв. имени Варвары Павл. фонъ-Дервизъ.

ненія и знаемъ тотъ неисчислимый вредъ, ту пучину горя, то море слезъ, которыя причинило это стихійное бѣдствіе даже въ одной только нашей Москвѣ, не говоря уже о другихъ, захваченныхъ имъ, громадныхъ пространствахъ нашего отечества.

Но это, пережитое Москвой на нашихъ глазахъ, наводненіе можетъ служить для насъ напоминаніемъ, или, вѣрнѣе, яркимъ реальнымъ изображеніемъ иного наводненія, еще болѣе страшнаго и гибельнаго—наводненія духовнаго. Не въ одинъ годъ, а въ цѣлый многолѣтній періодъ въ чистое русло русской жизни все вливались и вливались мутные потоки выросшихъ на западѣ вредныхъ идей матеріализма, атеизма, социализма, анархизма; осѣдая на дно глубокаго русла нашей отечественной жизни, эта муть сначала была не очень замѣтна, но по мѣрѣ своего накопленія она давала о себѣ знать все болѣе и болѣе. Когда же разразились надъ нашимъ отечествомъ памятные всѣмъ, недавнія внѣшнія и внутреннія бури, то и эти, скопившіеся вредные осадки поднялись къ верху и грозили, да и теперь не перестаютъ грозить, совершенно въ другую сторону сдвинуть русло отечественной жизни. Какъ грязь и нечистота во время наводненія, такъ и эта духовная муть просачивается всюду: заражаетъ нашу литературу, переливается въ семью, разѣдаетъ нравы общества, проникаетъ и въ школы... Благодареніе Богу, наша гимназія до сихъ поръ была и, надѣмся, будетъ и впредь, не въ полосѣ этого наводненія; благодаря этому, въ продолженіе всего восьмилѣтняго вашего курса вы проводили здѣсь, выражаясь словами апостола, *тихое и безмолвное житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ*. И вотъ настала для васъ большой праздникъ вашей жизни: вы благополучно о успѣшно закончили нелегкій курсъ средняго образованія и въ открытыя двери гимназіи выходите на широкое поле самостоятельной жизни. О, какъ бы я желалъ, чтобы нынѣшній свѣтлый вашъ праздникъ имѣлъ бы и свѣтлое, радостное продолженіе въ предстоящей вамъ самостоятельной жизни; горячо, отъ всей души, желалъ бы, чтобы вы и въ самостоятельной жизни шли тѣмъ же добрымъ путемъ, какой указывала вамъ воспитавшая васъ школа, чтобы и оставивши гимназію, не оставляли никогда ея чистыхъ и свѣтлыхъ завѣтовъ. Увѣренъ, что и вы сами исполнены подобными же свѣтлыми желаніями и ваше воображеніе рисуетъ вамъ дѣятельность вашу въ открывающейся предъ вами самостоятельной жизни въ самыхъ высокихъ тонахъ и благородныхъ краскахъ. Но... вспомните: и высокія, по человѣческимъ расчетамъ вполне надежныя, набережныя не смогли задержать наводненія и сами оказались подъ водой. Такъ рушатся наши человѣческіе, по видимому самые вѣрные, расчеты и часто приводятъ насъ совсѣмъ не туда, куда бы мы хотѣли.

Но гдѣ же въ такомъ случаѣ тотъ спасительный маякъ, по указанію котораго вы смѣло могли бы направлять свои утлыя житейскія ладьи, чтобы не попасть въ полосу того гибельнаго духовнаго наводненія, которое все еще продолжаетъ захлестывать своими мутными волнами окружающую насъ жизнь?—Вы знаете этотъ спа-

сительный немеркнушій маякъ, свѣтъ его открыть внутреннимъ очамъ вашего сердца: это свѣтъ благодати Божіей, возжигаемый исполненіемъ заповѣдей Божіихъ. Не затемняйте же этотъ свѣтъ, храните заповѣди Божіи, живите по Божьему и никакое наводненіе зла не захлеснетъ васъ своими волнами, не унесетъ васъ своимъ бурнымъ теченіемъ. *Яко соблюдалъ еси слово терпѣнія Моего, и Азъ тя соблюду отъ години искушенія* (Апок. 3, 10):—вотъ непреложный глаголь Божій, который непрестанно долженъ звучать въ сердцахъ вашихъ въ переживаемое смутное время, *дни котораго лукави суть*. Но это лукавство—вѣрьте, твердо вѣрьте—не окутаетъ васъ своимъ темнымъ покровомъ, если вашъ жизненный путь будетъ освѣщаться благодатными лучами Свѣтъ отъ Свѣта, Бога Истиннаго, Спасителя нашего...

Прот. *Сергій Марковъ*.

О „новомъ религіозномъ сознаниі“.

(Мережковскій и Бердяевъ).

(Окончаніе. См. № 21).

Но можетъ быть мы, стоящіе довольно далеко отъ простаго народа, не понимаемъ, насколько завлекателенъ для простаго народа этотъ, рисуемый Мережковскимъ въ такихъ общихъ чертахъ, идеаль будущей Церкви. Да, Мережковскій съ супругой своей увѣряютъ, что они нашли полное сочувствіе своимъ рѣчамъ объ апокалипсической Церкви среди толпы крестьянъ, собравшихся на озерѣ Свѣтлоярѣ для богомоленія. Супруга г. Мережковского объ этомъ сообщаетъ слѣдующее: „радуются (крестьяне), понижаютъ съ полуслова нашъ неумѣльный, метафизическій языкъ... Обо всемъ, о чемъ мы думали, читали, печалились — думали и они у себя, въ лѣсу, можетъ быть, глубже и серьезнѣе, чѣмъ мы... Мы опять стали говорить о *грядущей* Церкви Іоанновой, Апокалипсической и читали Откровеніе: „Духъ и Невѣста говорятъ: *приди!*“ (Алый мечъ стр. 379). Еще поэтичнѣе описываетъ эту сцену самъ г. Мережковскій. Онъ пишетъ: „въ березовой рошѣ, полной огоньками восковыхъ свѣчей предъ иконами, сидѣли на утоптанной травѣ мы, я и мой спутникъ (т. е. его супруга), окруженные тѣсною, душною, напирющею толпой бабъ и мужиковъ. Пахло кожей, дегтемъ, воскомъ, человѣческимъ потомъ и лѣсною сыростью. Мы говорили о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи, объ антихристѣ, о грядущей Церкви Іоанновой.

— А что знаменуютъ семь роговъ звѣря?

— А что есть число 666?

Когда я пустился было въ отвлеченную мистику, меня остановилъ во время строгій старикъ.

— Ну, о семь престани...

— Исполняется пророчество Исаи: левъ ляжетъ рядомъ съ агненкомъ—шепнулъ мнѣ кто-то на ухо.

— Ну, полно-те, какіе тутъ львы? Тѣ же овцы безъ пастыря...

— Вы то не львы, да часть ваша львиная, а какъ львиное со агнчимъ совокупится, то и придетъ царствіе Божіе... А что, баринъ милый, оставайтесь-ка жить съ нами!

Первый разъ въ жизни мы чувствовали, какъ самыя тайныя, личныя, одинокія мысли наши могли бы сдѣлаться всеобщими, народными... Все, съ чѣмъ мы шли къ нимъ изъ глубины всемірной культуры, отъ Эхила до Леонардо, отъ Платона до Ницше, было для нихъ самое нужное не только въ идеальномъ, но и въ жизненномъ смыслѣ“...

Такъ рисуетъ Мережковскій свое пребываніе на озерѣ Свѣтлоярѣ. Его супруга прибавляетъ, что и послѣ къ нимъ на квартиру приходили издалека разумные мужички побесѣдовать о вѣрѣ и тонъ ея описанія въ этомъ случаѣ очень напоминаетъ ни много, нимало какъ простой но трогательный разсказъ евангелій о томъ, какъ народъ вездѣ искалъ Иисуса Христа, жаждая слышать Его ученіе. Получается умилительная картина взаимнообщенія на почвѣ увлеченія апокалипсической Церковью... Но три—четыре слова, которыя вслѣдъ за этимъ описаніемъ роняетъ г. Мережковскій, мгновенно разрушаютъ всякую иллюзію, и низвергаютъ нашу мысль съ неба народной вѣры прямо въ область земную, въ сферу мелочныхъ житейскихъ заботъ. Вотъ что прибавляетъ Мережковскій: *„вся воля надъ всею землею — есть для народа новое небо надъ новой землею“*... Такъ вотъ о чемъ мечтали мужички, бесѣдуя съ Мережковскимъ о новой Церкви! Вотъ что привлекало ихъ въ Апокалипсисѣ! Все та же вѣчная забота о расширеніи земельныхъ надѣловъ, оказывается, составляла главный нервъ въ ихъ разсужденіяхъ о будущемъ прославленномъ царствѣ Христовомъ... Ну, если на этомъ думаетъ сойтись съ народомъ православнымъ Мережковскій въ своихъ мечтахъ объ Иоанновой Церкви, то тутъ онъ уже, несомнѣнно, сходить съ религіозной почвы вообще и входитъ въ область социальныхъ реформъ, для введенія которыхъ нечего обращаться къ Апокалипсису...

Не можетъ также старое церковное сознаніе примириться съ вѣрою г. Бердяева въ тысячелѣтнее царство Христово, которое созиждется на землѣ для вѣровавшихъ во Христа и любившихъ Его (новое религ. сознаніе стр. 230). Будетъ—говоритъ Бердяевъ—„первое воскресеніе“ и съ этимъ вмѣстѣ *на землѣ* утвердится истинная теократія, въ которой осуществятся все завѣтныя *земныя* чаянія человѣчества... Тысячелѣтнее царство! Какою стариною пахнуло на насъ отъ этихъ словъ! Бердяевъ возвращаетъ насъ къ древнему хилиазму, очевидно имѣя здѣсь въ виду 20-ю главу Апокалипсиса. Тамъ, дѣйствительно, Тайновидецъ описываетъ, что ему въ видѣніи были показаны сидящіе на престолахъ и души обезглавленныхъ за исповѣданіе Христа. Они—говоритъ св. Іоаннъ—ожили и царствовали со Христомъ тысячу лѣтъ, и это было первымъ воскресеніемъ (ст. 4—5). Но, какъ видно изъ всего теченія рѣчи, эти сидящіе на престолахъ и страдальцы за Христа находились *на небѣ*, а не на землѣ. Это первое показаніе противъ *земнаго* тысячелѣтняго царства, на которое надѣется г. Бердяевъ. Во вторыхъ, сказано, что обезглавленные жили (*ἔζησαν*) т. е. тайновидецъ видѣлъ ихъ живыми, несмотря на то, что они были обезглавлены. Очевидно, что онъ подтверждаетъ только ту истину, изреченную уже въ Евангеліи, что всякій вѣрующій во Христа не умираетъ, но живетъ вѣчною жизнью (Іоан. 6, 40). О соединеніи этихъ душъ съ тѣлами рѣчи здѣсь еще нѣтъ. Въ третьихъ, надъ кѣмъ и какъ будутъ царствовать эти обезглавленные—не сказано. Іоаннъ говоритъ только, что они будутъ царствовать со Христомъ. Но царство Христово не на землѣ пока, а на небѣ, не внѣшнее, а внутреннее—это царствованіе надъ душами людей. Таково же, очевидно, будетъ царствованіе и этихъ праведниковъ. Они будутъ духовными руководителями людей, еще подвизающихся на землѣ. Это, конечно, доставляетъ имъ блаженство и свѣтлую радость. Но чрезъ тысячу лѣтъ послѣ того какъ пришелъ Христосъ въ первый разъ на землю и связалъ сатану, т. е. чрезъ нѣкоторый, очень долгій (ср. пс. 89, 5; 2 Петр. 3, 8) періодъ времени, строго впрочемъ опредѣленный въ совѣтѣ Божіемъ, сатана будетъ освобожденъ для того, чтобы онъ могъ вредить и христіанамъ такъ, *какъ онъ хочетъ*, чего ему не дано теперя. Тогда и жизнь небесныхъ праведниковъ измѣнится—полное ихъ блаженство, какое они чувствовали ранѣе, кончится: они будутъ страдать, видя, какъ гибнуть на землѣ тѣ, которымъ они до сихъ поръ были руководителями. Только послѣ того уже какъ

будеть пораженъ мучитель людей—антихристъ—наступить общее тѣлесное воскресеніе и тѣ праведники получатъ тѣла. *Первое* же воскресеніе есть не что иное, какъ переходъ страдальцевъ за Христа отъ униженія въ небесную славу—это воскресеніе можно сказать предварительное, особенное, котораго не удостоиваются люди не угодившіе Богу и пребывающіе вдали отъ свѣтлыхъ небесныхъ обитателей по смерти своей. И Слово Божіе вездѣ говоритъ только объ *одномъ* воскресеніи мертвыхъ при послѣдней трубѣ (Мѡ. 13, 37—43; Іоан. 5, 28—29) и объ *одномъ* будущемъ царствѣ—о вѣчномъ царствѣ благодати (Св. *Н. Орловъ*. Апокалипсисъ М. 1908 г.). Замѣтимъ, наконецъ, что ожиданіе тысячелѣтняго царства или хиліазмъ было осуждаемо многими древними Отцами Церкви и окончательно осуждено 2-мъ вселенскимъ соборомъ въ 381-мъ г. Ужели же мы захотимъ, въ угоду Бердяеву, подпасть подъ клятву соборную?!

Вообще мы, кажется, въ правѣ сказать, что, при тѣхъ тенденціяхъ, какія ясно выражаютъ представители новаго религіознаго сознанія по отношенію къ возстановленію значенія плоти въ будущемъ царствѣ Христовомъ, для этого движенія книга Апокалипсисъ вовсе не опора, хотя Мережковскій, повидимому, цѣнить его дороже всѣхъ книгъ Новаго Завѣта. Въ самомъ дѣлѣ, Мережковскій, какъ извѣстно, ратуетъ за идею святости плоти, за возвышеніе брачной любви и отмѣну аскетизма, а между тѣмъ, кто является на небѣ ближайшими къ Агнцу или Христу? Это тѣ, что не осквернились съ женами, т. е. полные дѣвственники (Апок. 14, 4)... А этотъ взглядъ ап. Іоанна на Вавилонъ? „Паль, паль Вавилонъ—воскликаетъ тайновидецъ—городъ великій, потому что онъ яростнымъ (т. е. доводящимъ до бѣшенства) виномъ блуда своего напоилъ всѣ народы“ (14, 8). Итакъ, паденіе Вавилона—этого центра человѣческой плотской культуры, этого источника нашихъ наукъ и искусствъ—ничего не возбуждаетъ въ душѣ Тайновидца кромѣ чувства живѣйшей радости. Онъ какъ будто бы не обращаетъ никакого вниманія на культурныя его заслуги и на значеніе культуры вообще. Можно ли послѣ этого видѣть въ Апокалипсисѣ апоѳеозъ человѣческой образованности и гражданственности, какъ представляется г. Мережковскому? Наконецъ, чьи престолы стоятъ въ новомъ Іерусалимѣ, который тайновидецъ видѣлъ спешимъ съ неба на землю? Это престолы Бога и Агнца, т. е. Христа (22, 3). Христось тутъ же называетъ Себя Альфой и Омегой, Началомъ и Концомъ, Первымъ и Послѣднимъ

(22, 13). Гдѣ же Ликъ Духа о какомъ говорить Мережковскій? Гдѣ Его царство, Его Третій Завѣтъ? Нѣтъ, наконецъ, ничего удивительнаго, если не менѣе Мережковского изучившій Апокалипсисъ г. Эрнъ, такъ неудачно выступилъ недавно съ своимъ построениемъ будущаго апокалиптического царства. Рефератъ его, прочитанный недавно въ засѣданіи Петербургскаго религіозно-философскаго общества, г. Струве называетъ „апокалипсической фееріей“, которая неспособна двигать широкія массы, увлекать и зажигать ихъ (Моск. Еженедѣльникъ 1908 № 8 стр. 36). И дѣйствительно хорошо сказалъ тамъ, на озерѣ Свѣтлоярѣ, унесшемуся въ апокалипсическія откровенія Мережковскому какой-то старичокъ:

— Ну, о семь престани...

Относительно силы и значенія новаго религіознаго движенія, какое мы разсматриваемъ, въ современной литературѣ, въ отзывахъ критиковъ единомыслія нѣтъ. Одни восторгаются этимъ движеніемъ, какъ отвѣчающимъ вполне запросамъ интеллигенціи. Андрей Бѣлый особую заслугу г. Мережковского видитъ въ томъ, что онъ „совершенно возстановилъ“ въ правахъ на ряду съ христіанствомъ и язычество, доказавъ при этомъ, что язычество—то и было истиннымъ сосудомъ лазурной тишины (Зол. Руно 1906 кн. 3). Другіе недовольны недостаточнымъ радикализмомъ Мережковского. Извѣстный еврейскій философъ и поэтъ Минскій упрекаетъ Дим. Сергѣича въ томъ, что онъ еще не отрѣшился отъ ученій христіанства. „Въ его храмѣ—говоритъ Минскій—покоятся еще три набальзамированныхъ трупа—вѣры, чуда и преданія“. Тотъ же Минскій попутно и Бердяева обзываетъ „протестантскимъ пасторомъ“ за его несочувствіе къ социаль-демократамъ. Иные критики совершенно не придаютъ никакого значенія этому движенію, считая его только „игрою въ религію“, т. е. нѣкотораго рода кощунствомъ. Такъ представители Московскаго религіозно-философскаго общества г.г. Свенцицкій и Эрнъ относятъ новый религіозный кружокъ къ числу тѣхъ мистическо-декадентскихъ кружковъ, „которые, собственно говоря, играютъ роль накипи“ (конечно, въ общемъ религіозномъ движеніи или броженіи). Ни въ одномъ изъ этихъ кружковъ, по убѣжденію Свенцицкаго и Эрна, нѣтъ и тѣни религіознаго дѣланія,—всюду одинъ и тотъ же *духовный блудъ*... Всѣ эти мистики—живые трупы. Религіозные разговоры нужны имъ какъ наркозъ. Только на журфиксахъ они оживляются, приходятъ въ „мистическій“ экстазъ, ковыряются во

всевозможных нюансах своей внутренней жизни... По гостинным и салонам, изящно обставленным в новом стиле, фальшивым языком говорят о страданиях и как безстыдная женщина оголяют подобия своих христианских настроений и ведут салонные разговоры о „женѣ облеченной въ солнце“, объ Антихристѣ, о тайнѣ Троицы, о новыхъ откровенияхъ... Развѣ можетъ Карамазовъ—отецъ, съѣденный блудомъ, понять смыслъ любви? Но и „мистики“, духовнымъ блудомъ омертвившіе свою душу, неспособны на непосредственное, живое цѣломудренное религиозное чувство (Взыскующимъ града. Москва 1906 г. стр. 33—34). Критикъ—„Русскаго Богатство“ г. Мокіевскій въ февральской книгѣ этого журнала даетъ также неблагоприятный отзывъ о новомъ религиозномъ движеніи. По его убѣжденію, новое религиозное сознание явилось реакціей противъ ранѣ господствовавшего у насъ интеллектуализма и позитивизма. Но оно собственно не даетъ ничего интеллигентному обществу, и прежде всего никакихъ доказательствъ истинности своихъ идей. На всѣ запросы пытливаго ума Бердяевъ, напр., отвѣчаетъ, что все разъяснится послѣ „преображенія міра“. Бердяевъ—христианинъ, признающій основные догматы христианства, даже считающій ихъ очевидными „фактами“ и въ тоже время онъ вводитъ новый догматъ, подрывающій значеніе прежнихъ,—догматъ о Третьемъ Завѣтѣ. Онъ даже не хочетъ обратить вниманіе на Новый Завѣтъ, чтобы подчеркнуть тамъ пророчество о Третьемъ Завѣтѣ, какъ Новый Завѣтъ черпалъ пророчества о себѣ въ Ветхомъ. Онъ признаетъ *только* Апокалипсисъ. Если онъ и приводитъ цитаты изъ Евангелія, то для разъясненія Завѣта, уже даннаго, а о Третьемъ Завѣтѣ не говоритъ—тутъ его религиозное творчество совершенно изсякаетъ... (Р. Б. стр. 62—70). Наконецъ сама г-жа Гипсіусъ, „при всей своей любви и уваженія къ Бердяеву“, считаетъ однако необходимымъ указать ему на то, что онъ очень неосторожно обращается со словами. „Уже не говоря о его терминахъ:“ мистическій реализмъ, „неохристианство“ и пр.—замѣчаетъ г-жа Гипсіусъ или, иначе, Антонъ Крайній—какъ опасно излюбленное имъ слово „теократія!“ Въ утвержденіи „теократіи“ Бердяеву грозитъ опасность внѣшне слиться, смѣшаться уже не съ кучкой маловѣдомыхъ міру, захудалыхъ „мистическихъ анархистовъ“,—нѣтъ, но съ группой людей болѣе замѣчательныхъ и страшныхъ... Нельзя подъ старое слово подставлять новое понятіе (у Бердяева теократія вовсе не *власть людей*, поставленныхъ Богомъ)... „Ми-

стика"—тоже у Бердяева совсѣмъ иное, чѣмъ это слово понималось доселѣ (Р. Мысль 1908, февр. стр. 168 и сл.).

Таковы отзывы критики о новомъ религіозномъ движеніи. Съ своей стороны мы можемъ сказать, что во всемъ этомъ движеніи нѣтъ ничего, что могло бы привлечь къ нему широкіе круги послѣдователей, что могло бы заставить искренне вѣрующихъ членовъ Православной Церкви пойти къ новымъ учителямъ вѣры. Кто захочетъ найти истину, тому, какъ сказалъ еще св. Ириней Ліонскій, нечего искать ее гдѣ нибудь помимо Церкви. „Здѣсь кто хочетъ—скажемъ словами этого св. отца—да почерпаетъ себѣ животворное питье; здѣсь то дверь жизни“. Новое же религіозное сознание даже въ основномъ своемъ ученіи и не ново. Еще въ 12-мъ в. появилась книга подъ названіемъ „Вѣчное Евангеліе“, въ которой также проводилась мысль о наступленіи Третьяго Завѣта, царства Св. Духа... Эта же мысль высказана была недавно умершимъ франц. романистомъ Гюисмансомъ въ романѣ *Là-bas*. Оно вовсе и не *религіозно*, какъ это мы видѣли, потому что не заключаетъ въ себѣ существенныхъ элементовъ религіозности. Даже можно усомниться и въ достаточной *сознательности* этого движенія потому, что его мечты объ апокалипсической Церкви въ высшей степени неясны, туманны... „Они забываютъ — правильно говорить одинъ духовный критикъ о Мережковскомъ и его единомышленникахъ—что крылья въ небесный Иерусалимъ вырастаютъ *только* при соблюденіи тѣхъ условій, какія указываются смиренно-послушнымъ сынамъ Церкви ихъ любящею матерью—Церковію... Пойдешь за такими мечтателями—оторвешься отъ Христа пришедшаго и не привьешься къ Христу грядущему, а засохнешь бесплодно и безславно, какъ отломившаяся отъ дерева вѣтвь. Блаженъ мужъ, иже не идетъ такимъ путемъ! (Церк. Голосъ 1906 г. стр. 582)...

Едва ли, поэтому, можно ожидать, что новое религіозное движеніе окрѣпнетъ. Левъ Толстой посильнѣе Мережковскаго, но что, кромѣ горькаго разочарованія, испытываютъ теперь тѣ, кто пошелъ за нимъ какъ за великимъ религіознымъ учителемъ? Скорѣе всего можно ожидать, что новое религіозное движеніе или выродится во что нибудь уже совсѣмъ далекое отъ христіанства, или же вовсе прекратитъ свое бытіе. Мережковскій какъ будто самъ провидитъ такой исходъ своихъ стремленій, когда говорить:

Дерзновенны наши рѣчи,

Но на смерть осуждены

Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны...

Н. Розановъ.

Поѣздка на родину.

(Изъ воспоминаній сельскаго священника).

При ровной сельской жизни, юной еще моей мысли такъ естественно было въ часы досуга и отдыха, то устремляться въ таинственную даль будущаго и разрѣшаться заманчивыми мечтаниями, то оглядываться назадъ на несложное, но безмятежное милое, прошлое и съ тихою отрадою останавливаться на свѣтлыхъ впечатлѣніяхъ дѣтства и быстро мелькнувшей, первой юности... Послѣ всенощной подъ Троицынъ День сижу въ своемъ кабинетикѣ у открытаго окна. Вечеръ дивный. Сирень дышетъ ароматомъ, свѣжіе листочки замерли въ дремотѣ—не колышутся, съ рѣки поднимается тонкій паръ, заблестѣли уже и звѣздочки въ синевѣ неба—изъ задумчиваго парка льются соловьиныя трели, а тамъ, вдали—дрожать и замираютъ въ воздухѣ звуки монастырскаго трезвона. Западъ еще пылаетъ огнистою красотою, а къ темному востоку ползутъ блѣдныя полосы,—предвѣстницы готовой вспыхнуть денницы. Во всемъ организмѣ чувствуется приятная усталость послѣ службы, а душа работаетъ: славно дышется этою разлитіемъ въ ночной тишинѣ красотою, хочется послать хвалу Творцу—все премудро сотворившему, вылить эту хвалу завтра за Литургіей—въ словѣ къ своимъ простымъ прихожанамъ. Планъ слова созрѣлъ... Пора бы и на отдыхъ, но мысль скользнула назадъ, въ прошлое, вспомнилась родина... Тамъ день Св. Троицы—храмовой праздникъ... Сколько радости приносилъ онъ бывало дѣтскому сердцу... Вотъ, такой же какъ сейчасъ дивный вечеръ: высокій бѣлый храмъ, въ сумракѣ ярко выдѣляется своими освященными окнами... Служба длится... Не достоинъ, скользнешь въ любимый садъ, весело ныряешь здѣсь въ высокой травѣ, прислушиваешься къ пѣнію, несущемуся изъ открытыхъ оконъ храма... Заглянешь и въ чистую, уютную родную горенку, здѣсь привѣтливо льются въ сумракъ лучи лампадки. Идешь когда придетъ отъ службы отецъ и дастъ благословенный хлѣбъ...

Старинный соборъ уѣзднаго города. Долго, долго идетъ торжественная служба. Душно въ храмѣ, устали мы мальчуганы школьники. Стоя на колѣнахъ во время молитвъ, слова которыхъ гулко сливаются въ неясные звуки, любишь то на букетикъ цвѣтовъ въ рукахъ, то глянешь въ окно. Воздухъ насыщенъ солнцемъ. Внизу подъ горою блеститъ широкая рѣка, а за ней пестрѣтъ цвѣтами луговая даль... Сердце рвется туда въ родной погостъ, гдѣ такъ славно теперь, и въ воображеніи одна за другой мелькаютъ картинки дѣтской жизни въ родномъ гнѣздышкѣ. Забудешь все окружающее

и начнешь высчитывать сколько дней осталось до лѣтнихъ каникулъ.

Уютная семинарская церковь. Густая толпа молящихся, а за ней у стѣнокъ мы юноши свѣжіе, зеленые, какъ эти украшающія храмъ древесныя вѣтви...

Благоговѣнно, торжественно течетъ служба, стройно звучитъ хоръ молодыхъ голосовъ. Вдумываешься въ глубокой смыслъ праздника, въ историческій ходъ развитія христіанства, останавливаешься на тѣхъ свѣтлыхъ картинахъ и образахъ, духовной весны человечества, что ярко изображаютъ „Дѣянія св. Апостоловъ“ и сказанія святоотеческія... и радостно забьется сердце... А послѣ обѣдни обширный садъ манитъ своей тѣнію... Приятно въ его прохладѣ... Слышится гулъ городской жизни, а ты сидишь себѣ подъ любимыми липами, и мечтаешь о близкой возможности жить и работать среди родной, милой сельской обстановки...

Вотъ и мечты юности стали дѣйствительностію: прекрасная природа обнимаетъ меня своимъ благоуханіемъ, подъ покровомъ іюньской ночи дремлетъ село, что довърчиво зоветъ меня батюшкой... Захотѣлось искренно помолиться во время завтрашней Литургіи за эту мирную весъ — и попасть потомъ хоть запоздалымъ гостемъ въ родной погостъ, къ старику отцу, что доживалъ въ одиночествѣ дни свои.

Радостно и оживленно въ молитвенномъ общеніи съ прихожанами и сладкомъ отдыхѣ среди природы протекли дни Св. Троицы, такъ бы и замерли, остановились эти безмятежные дни... Такъ хороши они были....

На утро послѣ Духова дня запрегъ въ маленькій тарантасикъ свою лошадку и тронулся въ путь... Хотѣлось больше и больше наглотаться впечатлѣній отъ красотъ родной природы... и 120 верстъ въ тарантасѣ я предпочелъ томленію душныхъ вагоновъ...

Замелькали поля, луга, перелески, все было обрызгано росой, цвѣло, благоухало подъ дружнымъ хоромъ птичекъ... Солнце поднялось выше и выше на безоблачный небосклонъ. Тихо, день обѣщаетъ быть жаркимъ... Но какъ славно кругомъ, даже эти сѣренькія деревеньки, опушенные зеленью огородовъ, особенно привѣтливо выглядываютъ въ прозрачномъ туманѣ іюньскаго утра. Мелькнули двѣ небольшія помѣщичьи усадьбы съ тихими, подъ дремлющими ивами, прудами. Здѣсь такъ все благоустроено. Широко раскинувшіеся фруктовыя сады опоясываютъ нивы густой и уже высокой, слегка волнующейся ржи. Тѣнистыя липы съ душистыми тополями дружно опоясываютъ хорошенькіе домики. Порядкомъ и довольствомъ дышать эти мирные уголки. Сердце забилося желаніемъ, чтобы побольше раскинулось у насъ на Руси такихъ пріютовъ разумнаго труда, чтобы, подражая имъ въ культурѣ, и наши домики у сельскихъ храмовъ и крестьянскіе избышки приятно поражали взоръ своею уютностію и плодами разумнаго труда... Этотъ безбрежный просторъ полей и лѣсовъ такъ наглядно выражалъ, гдѣ именно на Руси таится ея мощь и сила.

Въ тишинѣ утра звонко льется благовѣсть съ высокой бѣлой колокольни большого села. Не утерпѣлъ, чтобы не зайти въ храмъ. Началась уже Литургія. Человѣкъ 5 женщинъ усердно молятся. Батюшка служить такъ пріятно, выразительно. Заглянулъ съ клироса въ алтарь, священникъ усердно молится, дымъ кадильный—тонкой струйкой уносится въ открытое окно, точно стремится къ этимъ голубымъ небесамъ, опрокинувшимся надъ красотами земнаго міра, слава Богу, думалось мнѣ въ этомъ пустынномъ храмѣ, есть добрые уголки, гдѣ тихо, незамѣтно, но ясно мерцаютъ вѣра простыхъ русскихъ людей!..

Пора однако и отдохнуть. Вотъ у крайней избы такой славный полисадникъ, попрошу здѣсь изготовить самоварчикъ, въ трактиръ идти пить чай не хочется, жаль унылыми впечатлѣніями нашихъ деревенскихъ трактировъ, понижать свѣтлое настроеніе навѣянное благодатнымъ утромъ... Семья крестьянская дружно откликнулась на мою просьбу... Всѣ засуетились, кто отпрягать лошадь, кто готовить и накрывать столъ, кто ставить самоваръ. Спустя полчаса мы вмѣстѣ съ радушнымъ хозяиномъ, въ густой тѣни акацій, пили уже чай со сдобными лепешками, а къ концу нашего завтрака я зналъ всѣ несложные интересы, заботы гостепріимной семьи. Опять въ путь, жара томить. Все точно замерло въ полуденномъ зноѣ. Лошадка бредетъ медленно, но любо смотрѣть на разливъ лѣтней красоты. Вотъ высокая колокольня одной женской общины царить надъ бархатною зеленью рощъ, точно на нихъ, какъ на зеленомъ фундаментѣ утвердила свое основаніе. Спасибо знатной и богатой женщинѣ за то, что свои средства употребила она на устройство въ этомъ чудномъ уголкѣ молитвенно-трудоваго пріюта... Вонъ между крутыхъ бережковъ быстро струится свѣтлая рѣчка. Останавливаюсь, пою коня, освѣжаюсь купаньемъ и снова въ путь... Дохнулъ вѣтерокъ, горизонтъ потемнѣлъ... Быстро заскользили по небосклону густыя облака—предвѣстники грозы... Все въ природѣ встрепенулось отъ налетѣвшаго вѣтра... А темно-синяя туча медленно ползетъ съ юго-запада, завоевываетъ небо своею бурливою грудью, чаще и чаще бороздится огненными змѣйками... Лошадка приободрилась, побѣгла, точно подгоняли ее усилившіеся порывы вѣтра. За лѣсочкомъ село, хорошо бы доѣхать до дождя, но любо дышать и посвѣжѣвшимъ, ароматнымъ воздухомъ, любо созерцать какъ стихія готова разбушеваться въ безграничномъ небесномъ просторѣ. Любо внимать приближающимся раскатамъ грома, отъ которыхъ, кажется, готовы задрожать окрестности. Столбъ пыли закружился по сельской улицѣ. Скорѣй подь крышу, крупныя капли дождя уже бойко ударяютъ... Но къ кому?.. Вотъ у самой церкви утонулъ въ зелени сада небольшой домикъ, вѣроятно священника, такъ къ кому же, какъ не подь крышу своего собрата... Батюшка пожилой и лично не знакомый, встрѣтилъ привѣтливо, принялъ по родственному, пока грохотала гроза, бушевала буря и лилъ дождь—мы оживленно наговорились, напились чайку въ холодной горницѣ, закусили и могли бы при желаніи вкусить отъ „радужной батареи“, какъ выразительно назвалъ радушный хозяинъ рядъ разно-

цвѣтныхъ бутылочекъ съ согрѣвательною жидкостію разныхъ сортовъ, но въ воздухѣ было и такъ влажно и орошаться изъ батареи мы не пожелали.

Солнце склонилось уже къ западу, когда я бодро продолжалъ свой путь, все кругомъ освѣженное обильною влагою, зеленѣло, цвѣло, благоухало, пѣло, еще ярче, сильнѣе, громче. Такъ бы и купался всегда въ волнахъ чуднаго воздуха. Въ пышной зелени густаго обширнаго лѣса ярко блеснула крестъ, по мѣрѣ приближенія къ нему онъ все привѣтливѣе манилъ своимъ красивымъ мерцаніемъ отъ солнечныхъ лучей... Среди лѣсной чащи открылась небольшая полянка, усѣянная цвѣтами, а на краю ея, опоясанный кустами сирени, акаціи,—архитектурный, высокій, но какъ бы покинутый храмъ.... Краска со стѣнъ облетѣла, на крышѣ по мѣстамъ проросла зелень, стекла повывиты, и въ пустомъ храмѣ слышался своеобразный гулъ отъ полета голубей... Въ густой травѣ темнѣли старинные надгробные памятники, а за ними виднѣлись руины какихъ то каменныхъ построекъ... Потому я узналъ преданіе про печальную исторію храма. Когда то этотъ прекрасный уголокъ принадлежалъ богатому помѣщичьему роду, изъ котораго одинъ построилъ храмъ но отдѣлать его не успѣлъ, потомки его продолжали дѣло, но роковымъ образомъ, самоубійствомъ, оканчивали жизнь. По народной молвѣ тяжкіе грѣхи лежали на томъ барскомъ родѣ, и мѣшали довести до конца доброе дѣло. Такъ за несчастною кончиною послѣдняго изъ рода храмъ остался недодѣланнымъ, и имѣніе заустѣло, но самая печать заустѣнія набрасывала на этотъ уголокъ колоритъ таинственности. Я залюбовался видомъ... А внизу, подъ горкой говорливо журчалъ ручеекъ, а подъ нимъ вдругъ нѣжно разлилась чья то звонкая, задумчивая пѣсня, кто то видно забрелъ сюда, залюбовался красотою вида, и въ пѣснѣ выливалъ свѣтлый порывъ души своей... А соловьи, точно пробужденные пѣсней, громче залились причудливыми трелями. Я продолжалъ стоять. Солнце сѣло, на крестѣ храма погасъ послѣдній лучъ. Долина благоухала, тонкій паръ отъ нея поднимался туда въ высь, къ этимъ, замелькавшимъ въ безпредѣльной синевѣ, звѣздочкамъ. Казалось природа несла дань, благодареніе Творцу за горячіе лучи солнечные, за благодатный дождь... Невольно думалось: неужели человѣкъ останется въ пѣснѣ хвалы и благодаренія, отъ этой прекрасной, хотя неодушевленной природы?.. Такъ захотѣлось, чтобы здѣсь, среди разлитыхъ обильно красотъ природы, зазвучала пѣснь хвалы Господу и въ этомъ заустѣломъ храмѣ!.. Ночь надвигалась, та благодатная, прозрачная іюньская ночь, красоты которой трудно передать перомъ, но хорошо чувствовать непосредственно... Та ночь, въ которую точно чья то таинственная рука дивно переноситъ послѣдній лучъ потухающаго заката, вспыхивающему красотою новаго дня востоку...

Однако лошадка устала. Пора подумать и объ ночлегѣ, а кстати ночлегъ обѣщаль быть удачнымъ. На горкѣ въ сторонѣ виднѣлся небольшой храмъ. Я вспомнилъ: здѣсь начинается священствовать одинъ изъ близкихъ мнѣ товарищей по семинаріи, не задумываясь

оборачиваю коня къ храму. Хорошій домикъ батюшки уютно примыкалъ къ темной, липовой рошѣ, а въ ней на лавочкѣ и самъ батюшка со своей молодой матушкой видимо благодушевствовалъ. Замѣтя меня, быстро направились ко мнѣ на встрѣчу оба: по ихъ привѣтливымъ лицамъ я заключилъ, что радушіе, покой и живую бесѣду найду подъ крышею хорошенькаго домика.

И не ошибся. Востокъ совершенно уже окрасился зарею, когда мы съ товарищемъ крѣпко заснули въ прохладной, садовой бесѣдкѣ послѣ оживленнаго обмѣна впечатлѣніями первыхъ шаговъ своей пастырской дѣятельности...

Утромъ, не будя товарища, я поспѣшилъ тронуться въ путь, зная съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ меня теперь старикъ отецъ, да и у самого меня сильно билось сердце къ мѣстамъ знакомымъ, милымъ и роднымъ, а они къ тому же не замедлили показаться. Вонъ надъ рѣкою, на крутомъ обрывѣ заблѣлся домикъ въ которомъ еще такъ недавно мы устраивали домашній спектакль, вонъ тамъ и здѣсь знакомыя церкви, гдѣ бывалъ и за службами, и въ гостяхъ у радужныхъ батюшекъ, вонъ дорога, по которой обыкновенно прѣзжалъ на каникулы со станціи и возвращался обратно въ Москву... Сколько разнообразныхъ, грустныхъ и радостныхъ настроеній пережито было въ свое время на этой дорожкѣ!.. А вотъ показалась и высокая колокольня роднаго погоста, опоясанная зеленью обширныхъ фруктовыхъ садовъ. Въ раздумьи, навѣяннымъ воспоминаніями невозвратно прошлаго, я не замѣтилъ какъ очутился у родного дома. Праздникъ въ полномъ разгарѣ, на улицѣ то и дѣло встрѣчаются знакомые поселяне, такіе веселые привѣтливые, правда нѣкоторые изъ нихъ подъ хмѣлькомъ, но въ приподнятомъ, радостномъ настроеніи хотѣлось закрывать глаза на обычные недочеты нашей народной жизни, хотѣлось и жизнь людскую представлять въ томъ же прекрасномъ видѣ, какимъ блистала сейчасъ весенняя одежда родного погоста.

Незамѣтно промелькнулъ остатокъ дня въ задушевномъ разговорѣ съ добрымъ отцемъ, онъ всегда былъ чутокъ ко всему, что занимало, волновало меня, и едва ли я съ кѣмъ еще могъ тогда такъ открыто, — сердечно бесѣдовать. Разказалъ ему про свои думы, планы, описалъ живо и подробно свою несложную жизнь, на многое получилъ самый сочувственный откликъ и рядъ простыхъ, но жизненныхъ совѣтовъ... Несмотря на разность лѣтъ души наши были очень созвучны, помнится, когда потомъ отецъ скончался, я скорбѣлъ о немъ не только какъ о родномъ, близкомъ человѣкѣ, но и какъ о самомъ искреннемъ, незамѣнимомъ другѣ.

Прозрачная ночь однако погрузила въ сумракъ нашу горенку. Пора старичку дать покой. Скоро домикъ погрузился въ молчаніе. 70-лѣтняя служанка давно уже дремала за печкой. Но мнѣ не до сна, голова и сердце расшевелились. Опять вереницею потянулось прошлое въ дорогихъ образахъ, пережитыхъ картинахъ. Снизу на крыльцѣ, напротивъ дерева стариннаго сада своими темными вершинами обрисовываютъ прихотливо зубчатый уборъ на фонѣ свѣтлой

зари... Въ оградѣ у церкви бѣлѣется памятникъ надъ могилой матери. Помню въ одну изъ предсмертныхъ ночей ея, усталый, скорбный въ дивную весеннюю ночь сидѣлъ на этомъ же самомъ крыльцѣ, горевалъ о страданіяхъ матери, а вотъ теперь ее скрываетъ уже могильный холмикъ... каково то родимой тамъ?.. Но кругомъ такъ хорошо... Если въ этихъ земныхъ мгновеніяхъ можно переживать свѣтлыя, радостныя минуты, то неужели ихъ не испытаетъ тамъ, въ вѣчномъ царствѣ нашего Милосерднаго Отца Небеснаго?.. Вѣрится, что тамъ будетъ несравненно лучше... Отъ могилы матери мысль метнулась къ старику отцу... Чувствую: угасаетъ и его жизнь, старость замѣтно накладываетъ свою разрушительную руку, можетъ и его скоро пріютить холмикъ въ оградѣ. Жалко и грустно. Даже совѣстно испытывать юную жизнерадостность, свободно дышать молодою грудью, когда родной человѣкъ близится къ закату своему... Одно, но слабое утѣшеніе: придетъ пора и я устарѣю, и во мнѣ поблекнутъ краски юности... Таковъ удѣлъ всѣхъ смертныхъ на свѣтѣ, мимолетна для нихъ земля, но за то какъ безгранично это чудное, прекрасное небо... И не подобна ли эта, пока страшная для насъ смерть переходу изъ убогой хижины въ роскошный дворецъ? Да, неумолимо страшно было бы наше будущее въ томъ лишь случаѣ, если бы вся жизнь наша замкнута была тѣснымъ кольцомъ земныхъ думъ, заботъ, интересовъ, если бы душа наша неспособна была еще съ земли улетать на небо, и во время полетовъ еще здѣсь испытывать свѣтлыя, радостныя порывы... А природа такъ дышетъ красотою, ароматомъ, такъ бьетъ кругомъ ключъ юной жизни, а около сада льется дружная, хороводная пѣсня крестьянской молодежи, и востокъ бѣлѣетъ, послѣ короткой ночи готовъ вспыхнуть новый, ясный день... Все кругомъ говорить о жизни, все манить жить... А небо такъ славно опрокинулось надъ нашимъ маленькимъ міркомъ и выразительнѣе всего говорить о вѣчности, о красотахъ этой вѣчности и такъ настойчиво влечетъ къ себѣ душу въ святой часъ ея раздумья!..

Утро опять встало ласковое, росистое, солнце щедро насыщаетъ воздухъ горячими лучами. Иду служить Литургію въ родномъ храмѣ, внимаю знакомому благовѣсту. Переступаю порогъ родного храма. Здѣсь, подъ его сѣнію протекли лучшія минуты дѣтства и юности, здѣсь слагалось во мнѣ то настроеніе, что повлекло меня къ алтарю, и радостно было служить заукокойную Литургію по матери и служилось хорошо... Служу, по временамъ невольно взглядываю въ открытое окно, чувствую вливающийся ароматъ прекраснаго утра, вижу могилу матери, сердце умиляется, слеза невольно падаетъ на коврикъ у престола, голосъ дрожить, колѣна склоняются для глубокаго поклона вѣры... Неужели родимая не слышитъ въ томъ мірѣ искренняго порыва моего сердца?

„Ну мой милый, наговорились влѣсть... Прощай. Спасибо что навѣстилъ... И я среди лѣта прилечусь къ тебѣ“... Говорить на прощаньи отецъ. Грустно... Жаль покидать родное гнѣздо. Чувствуешь, что пока преобладаютъ впечатлѣнія, нажитыя здѣсь... Новая, само-

стоятельная жизнь еще въ самомъ утрѣ... У ней цѣлая даль будущаго, а все то, пережитое здѣсь, — милое, но уже невозвратное прошлое... Проводить меня высыпали всѣ немногочисленные обитатели погоста. Слышу добрыя пожеланія, напутствія. День ясный, а на душѣ грустно... Горячо прощаюсь съ отцемъ. Всѣмъ глубокой, искренней благодарный поклонъ, и таранасикъ покатали между нивами красиво волнуемой ржи. Отецъ медленною походкою идетъ до межи... Останавливается... Вѣтерокъ шевелитъ его сѣдые волосы. Онъ смотритъ пристально вслѣдъ мнѣ... Грустно. Слеза невольно навертывается... Еще глубокой поклонъ родному гнѣздышку. Прости, дорогое спасибо за все, за ту мирную, добрую колею, которой катилась здѣсь моя безмятежная юность... Дай Господи, чтобы и трудовое, невѣдомое будущее въ иныхъ мѣстахъ катилось той же колеей...

А солнце свѣтитъ, и птички поютъ, теплый вѣтерокъ обвѣваетъ лице, и рожь кругомъ волнуется, но уже невидно родного, только крестъ-храмъ привѣтливо блеститъ, да сады синѣютъ широкой лентой...

О. А.

Русское хоровое церковное пѣніе.

(Историческій очеркъ).

Общедоступныя лекціи, читанныя преподавателемъ Синодальнаго училища свящ. Дим. Аллемановымъ въ Политехническомъ музее, въ Москвѣ.

I. Концертная эпоха въ русскомъ хоровомъ церковномъ пѣніи.

1. Музыка и пѣніе русскихъ въ до-христіанское время.

Русскій народъ, отъ природы музыкальный, всегда любилъ музыку и пѣніе. Многочисленные свидѣтельства объ этой любви встрѣчаются въ исторіи, въ преданіяхъ и лѣтописяхъ, въ былинахъ и пѣсняхъ, въ прошломъ и настоящемъ русскихъ. Такъ напр., еще въ IV в. византійскіе историки называютъ славянъ „пѣснолюбивыми“. При этомъ они сообщаютъ слѣдующій характеристическій случай.

Во время войны съ ханомъ Аварскимъ греки взяли въ плѣнъ трехъ чужеземцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто оружія, китары или гусли. Императоръ спросилъ: кто они?—Мы славяне, отвѣтствовали плѣнники.

Затѣмъ, разсказавъ, какъ они, „слыша о богатствѣ и дружелюбіи грековъ“, бѣжали изъ плѣна у Аварскаго хана во Фракію—прибавили:

Съ оружіемъ обходиться мы не умѣемъ и только играемъ на гуслихъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведемъ жизнь мирную и спокойную.

Гуслары эти были родомъ съ балтійскаго побережья. (Ист. Гос. Рос. т. I).

Если же обратимся къ древнѣйшимъ былинамъ нашимъ, то увидимъ, какъ русскій народъ высоко ставилъ музыку.

Такъ, въ былинѣ „Садко“ герой ея, гуслляръ Садко, названъ „богатымъ гостемъ (т. е. купцомъ) новгородскимъ“, а у того и есть только что „гусельки яровчаты“. Такимъ образомъ, по былинѣ, занятіе музыкой какъ-бы само по себѣ составляетъ для человѣка благополучіе, *богатство*. Такое воззрѣніе на лицъ, занимающихся музыкой, могло составиться только тамъ, гдѣ любили и цѣнили это искусство. Въ самомъ дѣлѣ, если русскіе думали, что съ одними гусельками яровчатыми можно жить *безбѣдно*,—вотъ какъ Садко, который ходитъ съ пира на пиръ и вездѣ встрѣчаетъ привѣтъ, почетъ и ласку,—то, несомнѣнно, они очень любили и цѣнили музыку. Это искусство, очевидно, проникало ихъ жизнь, безъ него она представлялась для русскихъ неполной, *бѣдной*.

Изъ этого мы можемъ заключить о томъ, что эстетичность (чувствование изящнаго или прекраснаго) врождена русскимъ; что изначала попеченіе „что ямы, или что пѣмь“ (Мѣ. VI, 3) не составляетъ для нихъ начало и конецъ всего, но—не довольствуясь жизнью скота, для котораго довольно теплага, сухого стойла, сытнаго корма и хорошей подстилки—они ищутъ въ искусствѣ питанія для души. Оттого же, можетъ быть, что русскіе любили услаждать свой слухъ музыкою и проникаться тѣми настроеніями, какія способно создавать это искусство,—они были всегда такъ *добродушны* и, особенно, такъ *жалостливы* вообще.

Въ самомъ дѣлѣ, что въ жизни русскихъ могло родить и воспитать эти основныя черты характера ихъ? Не суровая же природа и вытекающая отсюда скудость матеріальная; не страданія же отъ „глады, губительства, огня и меча“, что русскіе претерпѣли отъ печенѣговъ, половцевъ, варяговъ, татаръ, отъ домашнихъ усобицъ и разгрома въ эпоху междоусобствія, отъ тяжелой руки Петра, отъ крѣпостного права. Все это могло лишь ожесточить, озлобить, могло окаменить всякое сердце.

Любовь къ искусству, жизнь въ мірѣ „сладкихъ звуковъ и молитвъ“ закрывала глаза русскимъ на многострадальность ихъ житія и, подчасъ, ужасъ его; поселяло въ сердца нашихъ любителей пѣсни чистое добро,—не то добро, которое въ жизни является подъ разными нелѣпыми личинами, но которое живетъ отъ Бога; наполняло это сердце чистой любовью,—не той любовью, что ищетъ „своихъ си“, но которая влечетъ человѣка „да душу свою положить за други своя“ (I. XV, 13).

Богъ одинъ знаетъ что создало *святую* Русь такую въ сознаніи всѣхъ, почему народы стали называть ее *совѣстью міра*. Трудно рѣшить отчего произошло то, что Западъ только думаетъ, Востокъ—хочетъ, а въ срединѣ ихъ—*въ сердцѣ*—Русь чувствуетъ. И ему же одному вѣдомо, что дороже, что нужнѣе для жизни, умъ ли, опирающійся на однѣ доказательства, а эти всегда идутъ и теряются въ безконечности,—воля ли, которая *хочетъ и хочетъ*, а конецъ хотѣнію тамъ, гдѣ нѣтъ воли,—или же чувство, говорящее: *въ этомъ правда*, и опредѣляющее *мѣру хотѣнію*.

Но не погрѣшимъ, если скажемъ, что развитіемъ своей *чувствительности*—добродушіе и жалостливость—Русь не мало обязана искус-

ству и именно музыкѣ; что съ потерей *чувствительности* будетъ въ мірѣ законъ и оправданія его, но не будетъ того, что стоитъ выше закона — *святости*, — исчезнетъ сердце изъ тѣла человѣчества, потухнетъ съ нимъ въ духѣ его совѣсть...

Русскіе любили пѣніе, чужа его доброе вліяніе на сердце, на нравственность. Искусство, пробуждающее чуткость души высоко цѣнилось русскими еще и потому, можетъ быть, что способность къ нему была прирождена имъ, какъ птицѣ пѣсня. Любилось и цѣнилось, значить, какъ нѣчто *свое, кровное*.

Далѣе, по той же былинѣ русскіе не только признаютъ глубокое вліяніе музыки на людей, — когда сами веселятся и грустятъ, смѣются и плачутъ въ зависимости отъ того, какъ играетъ гуслирь, — но полагаютъ, что и сами боги не въ силахъ избѣжать чаръ игры на гусяхъ яровчатыхъ, и они подъ обаяніемъ музыки бываютъ готовы на все.

Нѣжная игра — какъ повѣствуетъ былина — трогаетъ и очаровываетъ морского царя (по древнимъ вѣрованіямъ царь морской — богъ), вызываетъ въ немъ расположеніе къ Садко, что онъ готовъ дать ему все, чего тотъ запроситъ; бурная, полная веселья и молодецкой удалы игра доводитъ царя до безумнаго опьяненія въ бѣшеной пляскѣ. Это безумство бога, очарованнаго музыкой, натворило бы много бѣдъ на морѣ („тамъ ужъ слышатся крики: то гибнуть пловцы съ кораблями“), если бы святая сила Миколы Можайскаго не спасла людей отъ ярости водной стихіи, возмущенной бѣшеннымъ пласуномъ.

Да, только дѣйствіе *свѣтой* силы выше вліянія музыки. — Такъ въ этой былинѣ народъ образно выражаетъ свое отношеніе къ музыкѣ.

Музыка и пѣніе были непремѣнной принадлежностью языческихъ религіозныхъ обрядовъ у русскихъ народовъ. На это указываютъ, оставшіяся отъ языческой древности, пѣсни въ честь Коляды, Купалы, Ярилы, боговъ весны („веснянки“) и проч..

Многія событія семейной жизни сопровождались, какъ и нынѣ, пѣснями бытовыми и обрядовыми. Сама смерть вызвала плачъ съ причитаніями, которыя есть тоже проявленіе народнаго пѣсеннаго творчества.

Досугъ праздничный русскіе посвящали хороводамъ, которые суть не что иное, какъ *опера* въ прямомъ значеніи этого слова, потому что въ нихъ музыка и пѣниі также служатъ къ развитію и иллюстраціи драматическихъ или комическихъ дѣйствій. Хороводы часто принимали видъ нашего балета, когда по замыслу дѣйствія вводилась въ нихъ пляска.

Пѣвцы русскіе славились; на пирахъ, торжествахъ и праздникахъ они были почетными гостями. Баянъ — мифическая личность, быть можетъ нарицательная, олицетворялъ идею древняго поэта, который былъ вмѣстѣ пѣвцомъ и музыкантомъ: слагая пѣсни про старину, про славу, подвиги, невзгоды и испытанія старыхъ временъ, онъ пѣлъ ихъ, сопровождая игрою: — „свои вѣщіе персты на *живыя* струны вкладаше, онъ же сами княземъ славу рокотаху“ (С. Митропольскій). Баяны, преимущественно, воспѣвали подвиги героевъ войны и рассказывали о минувшихъ дѣлахъ и событіяхъ.

Главными же представителями музыкальнаго искусства, какъ забавы или утѣхи, были „умѣльцы“. Это были бахары (сказочники) дом-

рачей (отъ муз. инст. *домра*), накрачей (*накра*) гусельники, гудельники, скрипотчики, волынщики и проч..

Пѣсни русскихъ народовъ, возникшія въ эпоху языческую, рѣзко отличаются отъ пѣсенъ западно-европейскихъ, созданныхъ въ болѣе позднюю эпоху. Особенности русской пѣсни заключаются въ ритмическомъ (ритмъ—смѣна длительностей (долготы и краткости) въ тонахъ), метрическомъ (*метръ*—распредѣленіе тоновъ по силѣ (тяжести и легкости, силы и слабости), мелодическомъ (*мелодія*—послѣдованіе, движеніе тоновъ другъ за другомъ) и гармоническомъ отношеніяхъ (*гармонія*—одновременное сочетаніе тоновъ, созвучіе). Старинныя пѣсни болѣе походятъ на мелодіи, существовавшія на Западѣ въ эпоху развитія контрапункта (контрапунктъ—соединеніе нѣсколькихъ мелодій), разработавшаго темы, основанныя на церковныхъ ладахъ. (Саккети).

Основной характеръ народной пѣсни какъ глубокой древности, такъ и самаго перваго времени христіанства на Руси,—когда еще не вполне утратились старинныя вѣрованія, незначительно измѣнились обычаи, и, вообще, сохранялся еще первобытный историческій укладъ жизни,—не отличается живостью.

Вполнѣ вѣрный законъ, что природныя качества страны вліяютъ на характеръ народовъ, наиболѣе проявляется въ пѣснѣ народной.

Русскіе жили среди суровой природы, вызывавшей на тяжелую, безотрадную борьбу. Ихъ—окружали необъятныя равнины, громадныя рѣки, широкія поля, а индѣ темныя, непроходимыя лѣса. И вотъ пѣсня русскихъ звучитъ грустно—тоскливо, длительно—пѣвуче.

Пѣсня у русскихъ единственное и любимѣйшее созданіе въ искусствѣ. Поэтому она отражаетъ и все то, что пережилъ, переиспыталъ русскій человѣкъ. Въ пѣснѣ—и тяжелое и великое прошлое русскихъ, ихъ исторія и жизнь.—Не красна была эта жизнь, не баловала судьба русскихъ людей; добродушные—они много вынесли отъ вороговъ чужихъ и своихъ, и все излили въ пѣснѣ, оттого-то „пѣсни наши тоскливы, въ нихъ слышны слезы горючія, которыя рѣжутъ душу, какъ булатный ножъ; видно злодѣй—тоска, которая падаетъ на сердце, какъ туманъ на синее море; въ нихъ мать плачетъ, какъ рѣка льется, слезы сестры текутъ, какъ ручей (Гоголь).

„Но не все-же грусть и тоска была въ жизни русскихъ: встрѣчалась и радость, и веселье, и счастье. Свѣтлыя стороны жизни также отражаются въ пѣснѣ, и мы имѣемъ много народныхъ пѣсенъ, проникнутыхъ свѣжимъ, бодрымъ чувствомъ, молодецкой отвагой и удачью, или беззавѣтнымъ весельемъ, въ родѣ тѣхъ, что Садко игралъ на днѣ морскомъ царю водяного царства“. (С. Митропольскій).

Свящ. Дим. Аллемановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Божій судъ.

Недавно въ Московской газетѣ „Раннее Утро“ (17 апр.) въ отдѣлѣ городскихъ происшествій появилась коротенькая замѣтка такого содержанія: „Въ Черногряской слободѣ найденъ повѣсившимся легковой извозчикъ И. Валуевъ. Мотивы неизвѣстны“... Много такихъ бываетъ случаевъ, и, понятно, замѣтка эта, какъ и сотни другихъ подобныхъ ей, не можетъ остановить вниманіе читателя, а, между тѣмъ, въ этихъ немногихъ строкахъ скрывается грозный приговоръ Божьяго суда. Волна всевозможныхъ шатаній, прокатившаяся по Россіи, несомнѣнно, сильно ослабила религіозное чувство въ народѣ и многіе, ослѣпленные гордецы не даютъ себѣ труда задуматься даже надъ явнымъ проявленіемъ Божьяго гнѣва, объясняя все случайностью... Пусть читатель судить случайность ли то, что я расскажу ему.

Въ деревнѣ Покровской, Павловской волости, Звенигородскаго уѣзда, проживаль крестьянинъ Егоръ Валуевъ. Человѣкъ нетрезваго поведенія, онъ издавна отличался крайнимъ скептицизмомъ въ вопросахъ религіи, и въ этомъ смыслѣ сильно вліялъ на многіхъ другихъ крестьянъ упомянутой деревни. Съ самаго начала развитія революціонно-анархистскаго движенія въ Россіи, онъ примкнулъ къ нему; осенью 1905 года гласно призываль крестьянъ къ захвату чужой собственности, убѣждалъ ихъ не платить податей и вообще старался всѣми силами подвинуть крестьянъ на противозаконные поступки. На сходахъ при всемъ народѣ онъ глумился надъ религіей, говорилъ, что Бога нѣтъ и крайне дерзко отзывался о святыхъ иконахъ. Въ семью свою онъ тоже внесъ крайній атеизмъ, а старшій его сынъ, 20-лѣтній крестьянинъ Иванъ Валуевъ, вполнѣ шелъ по слѣдамъ отца, позволяя себѣ всякія кощунства надъ религіей.

Въ прошломъ году на Пасхѣ Егоръ Валуевъ въ чайной лавкѣ деревни Покровской снова позволилъ себѣ въ высшей степени дерзко отзываться о св. иконахъ, называль себя Іоанномъ Крестителемъ и говорилъ крестьянамъ: „Вотъ я самъ святой, молитесь на меня, а не на иконы“... Въ тотъ же день Егоръ Валуевъ почувствовалъ себя настолько дурно, что его послѣшили отвезти въ больницу, гдѣ на дорогѣ онъ скоропостижно умеръ... Сынъ же Валуева—Иванъ и послѣ смерти отца не образумился, остался такимъ же развращеннымъ и невѣрующимъ, какъ и прежде—и вотъ, на Пасхѣ нынѣшняго года, онъ въ нетрезвомъ состояніи удавился...

Такъ сошли со сцены два самыхъ главныхъ изувѣра-развратителя въ деревнѣ Покровской. Надъ этою судьбою ихъ стоитъ призадуматься человѣку, не поверхностно относящемуся къ дѣлу религіи, и спросить себя: случайность ли это?..

Обыватель.

Отъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года.

По мысли ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го воздвигнуть въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя въ память двѣнадцатаго года, но до сего времени неосуществлена мысль и пожеланіе того же ИМПЕРАТОРА воздвигнуть другой памятникъ, имѣющій вещественную связь съ событіями Отечественной войны.

Нынѣ съ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія въ Москвѣ учрежденъ Комитетъ по устройству Музея 1812 года. Музей этотъ будетъ посвященъ памяти Отечественной войны. Все относящееся до участниковъ и свидѣтелей этой войны, все относящееся до пребыванія французской армии и все связанное съ могучимъ подъемомъ народныхъ силъ въ эту знаменательную въ жизни Россіи годину, все это должно найти себѣ мѣсто въ Москвѣ, въ стѣнахъ новаго хранилища народной славы. Предки наши принесли въ 1812 году безпримѣрныя жертвы для блага и спасенія Родины. Наши жертвы должны явиться данью уваженія памяти ихъ великихъ дѣяній для увѣковѣченія славнѣйшихъ событій Русской Исторіи.

Къ близящемуся столѣтію двѣнадцатаго года желательно видѣть Музей оконченнымъ, заполненнымъ и открытымъ.

Помощь нужна всяческая. Нужны и деньги прежде всего, дорога всякая копейка добротная, но и нужна помощь въ собираніи всякихъ вещей, книгъ, записокъ участниковъ войны, картинъ во всѣхъ ихъ видахъ и всего имѣвшаго касательство до Отечественной войны. Если у кого лично ничего не найдется, то онъ можетъ быть указать Комитету, гдѣ у кого, что сохранилось.

Комитетъ покорнѣе проситъ всѣ посылки и сообщенія направлять непосредственно по указанному ниже адресу, туда же проситъ онъ направлять и денежные пожертвованія. Для удобства жертвователей деньги могутъ вноситься и во всѣ мѣстныя казначейства, отдѣленія Государственнаго банка и Государственныя сберегательныя кассы, на имя Комитета.

Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ будутъ публиковаться Комитетомъ ежемѣсячно.

Комитетъ помѣщается: Москва, Чернышевскій переулокъ, домъ Московскаго Генераль-Губернатора.

Предсѣдатель Комитета: генераль-отъ-инфантеріи Владиміръ Гавриловичъ Глазовъ.

Члены Комитета: Юрій Васильевичъ Арсеневъ, Владиміръ Александровичъ Афанасьевъ, Сергѣй Алексѣевичъ Бѣлокуровъ, Алексѣй Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ, Юрій Владиміровичъ Готье, Николай Ивановичъ Гучковъ, Владиміръ Ѳеодоровичъ Джунковскій, Иванъ Андреевичъ Колесниковъ, Иванъ Хрисанфовичъ Колодѣевъ, Михаилъ Ниловичъ Литвиновъ, Александръ Дмитріевичъ Самаринъ, Дмитрій Яковлевичъ Самоквасовъ, Пантелеймонъ Николаевичъ Симанскій, графъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Уваровъ, Александръ Ивановичъ Успенскій, графъ Сергѣй

Дмитріевичъ Шереметевъ, графъ Павелъ Сергѣевичъ Шереметевъ, князь Николай Сергѣевичъ Щербатовъ, Петръ Ивановичъ Щукинъ, Петръ Петровичъ Яковлевъ.

Перечень предметовъ, особо желательныхъ для Музея 1812 года въ Москвѣ.

- 1) Портреты героевъ, военачальниковъ и дѣятелей 1812 года русскихъ и иностранныхъ.
- 2) Бюсты, статуи отдѣльныхъ лицъ, боевыя группы и другія скульптурныя произведенія.
- 3) Военныя карты и планы полей сраженія и похода.
- 4) Картины: масляныя, акварели, рисунки, эстампы, гравюры, литографіи сраженій и отдѣльныхъ эпизодовъ, а также виды мѣстности.
- 5) Манекены воиновъ двѣнадцатаго года русскихъ и иностранныхъ.
- 6) Боевое оружіе и снаряды.
- 7) Трофеи разнаго рода и модели памятниковъ.
- 8) Вещественныя памятники: ордена, медали, мундиры, предметы снаряженія, деньги и другіе предметы.
- 9) Различныя воззванія, афиши и объявленія. Ассигнаціи Наполеона.
- 10) Рукописи, мемуары, письма, документы и записки, принадлежащія участникамъ эпохи.
- 11) Книги, брошюры, газеты русскія и иностранныя, атласы и вообще печатныя изданія эпохи.

Каррикатуры, лубочныя изданія, игральныя карты, посуда, стекло, фарфоръ съ изображеніями лицъ 1812 года и прочіе предметы, не вошедшіе въ предшествующіе пункты, но имѣющіе отношеніе къ эпохѣ приснопамятнаго года.

Въ Музей также принимаются предметы, относящіеся къ годамъ 1811, 1813 и 1814 и имѣющіе непосредственную связь съ Отечественною войной 1812 года.

Членъ Комитета Секретарь *В. Афанасьевъ.*

Лѣтопись епархіальной жизни.

Церковныя вѣсти. 27 мая Лужецкій монастырь, торжественно праздновалъ 500-лѣтнюю годовщину своего существованія.

28 мая въ храмъ преподобнаго Сергія, что въ Рогожской, была доставлена драгоцѣнная серебряно-вызолоченная одежда на престолъ главнаго Троицкаго храма, сооруженная усердіемъ прихожанъ. Вѣса серебра болѣе 7 пудовъ; одежда украшена по мѣстамъ разноцвѣтной эмалью. По бокамъ одежды помѣщены художественно-вычеканенныя изображенія: Тайной вечери, Моленія о Чашѣ, св. Троицы и Воскресенія Христова. Стоимость одежды около 15,000 руб.

29 мая въ 1 часъ дня въ Скорбященскомъ храмѣ Заиконоспасскаго монастыря была совершена торжественная панихида по убіенномъ эк-

зархъ Грузіи, архієпископъ Никонъ. Богослуженіе совершалъ владыка митрополить Владиміръ съ епископами: Трифономъ, Анастасіемъ и Василіемъ, оо. архимандритами: Борисомъ, Алипіемъ, Макаріемъ, Сильвестромъ, Никодимомъ, кафедральнымъ протоіереемъ М. И. Соболевымъ, протоіереями: В. Г. Субботинимъ и Х. Д. Максимовымъ и всей братіей Заиконоспаскаго монастыря. Пѣлъ хоръ воспитанниковъ Заиконоспаскаго училища. Въ храмъ находились: преосвященный Никонъ, епископъ вологодскій, прокуроръ Синодальной конторы д. с. с. Ф. П. Степановъ, епархіальный наблюдатель школъ с. с. А. Д. Италинскій, секретарь Синодальной конторы В. Ф. Трелинъ, настоятельница Покровской общины игуменія Ювеналія и другіе сослуживцы и почитатели памяти убіеннаго іерарха, преподаватели и учащіеся въ Заиконоспасскомъ училищѣ и много богомольцевъ.

Въ 5 час. вечера въ этой-же церкви паннихиду совершалъ о. архимандрить Борисъ съ прочимъ духовенствомъ.

29 мая въ Архангельскомъ соборѣ о. протоіереемъ Лавровымъ съ придворнымъ духовенствомъ была отслужена послѣ заупокойной литургіи паннихида по убіенномъ іерархѣ.

Паннихиды были совершены: въ Донскомъ, Симоновомъ, Новоспаскомъ и другихъ монастыряхъ и въ нѣкоторыхъ церквахъ столицы.

30 мая въ 1 часъ дня, въ храмъ Епархіального дома была совершена преосвященнымъ епископомъ Трифономъ съ архимандритами Борисомъ, Макаріемъ, Никодимомъ и прочимъ духовенствомъ паннихида по почившемъ экзархѣ Грузіи, архієпископѣ Никонѣ. Послѣ богослуженія состоялось подѣ председательствомъ архимандрита Макарія экстренное собраніе членовъ союза русскаго народа, посвященное памяти почившаго.

Въ тотъ же день были совершены заупокойныя литургіи и паннихиды по усопшемъ: въ Синодальномъ храмѣ 12 Апостоловъ, въ Николо-Гостунскомъ соборѣ и въ другихъ монастыряхъ и храмахъ столицы.

Въ воскресенье, 1 іюня, въ день Святыя Троицы и празднованія рожденія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Ольги Александровны и Великаго Князя Дмитрія Константиновича, въ Большомъ Успенскомъ соборѣ богослуженіе совершалъ преосвященный Василій, епископъ Можайскій, съ архимандритомъ Аонасіемъ, о. протопресвитеромъ В. С. Марковымъ и соборнымъ духовенствомъ, при многочисленномъ стеченіи богомольцевъ.

1 іюня Свято-Троицкая Сергіевская лавра торжественно справляла свой главный престольный праздникъ. Съ вечерними и ночными поѣздами въ посадъ прибыло очень много богомольцевъ, которые размѣстились по гостиницамъ и меблированнымъ комнатамъ. Утромъ по древнему обыкновению во всѣхъ лаврскихъ храмахъ были совершены раннія литургіи при громадномъ стеченіи богомольцевъ.

Въ Троицкомъ соборѣ у мощей преподобнаго Сергія совершалось много молебновъ, а въ 8 часовъ утра было отслужено молебствіе съ водосвятіемъ соборнымъ служеніемъ. Храмъ былъ убранъ тропическими растениями и зеленью.

Въ 9 ч. утра въ соборъ прослѣдоваль изъ покоевъ „со славою“ Владыка митрополить. Облачившись и прослушавъ часы, митрополить съ епископами: Никономъ вологодскимъ и Евдокимомъ волоколамскимъ, о. намѣстникомъ съ прочимъ духовенствомъ совершилъ литургію. Пѣли лаврскіе пѣвчіе.

Въ соборѣ за богослуженіемъ находились представители мѣстной администраціи и много богомольцевъ.

Послѣ литургіи по уставу началась вечерня, при окончаніи которой митрополить и архіереи прочли 3 молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, причемъ всему духовенству и богомольцамъ были розданы букеты изъ живыхъ цвѣтовъ.

Богослуженіе закончилось въ 1 часъ дня, и митрополить, благословляя богомольцевъ, при торжественномъ звонѣ направился въ свои покои, куда собралось духовенство и нѣкоторые избранныя лица, приглашенные намѣстникомъ на чай и закуску.

Для бѣдныхъ богомольцевъ была приготовлена трапеза при лаврскомъ страннопріимномъ домѣ, состоявшая изъ щей съ рыбой, холоднаго съ квасомъ и хлѣбомъ, каши съ масломъ и порціи хлѣба.

Въ 2 часа дня при торжественномъ звонѣ митрополить, архіереи и лаврская братія прослѣдовала въ трапезу, гдѣ былъ приготовленъ парадный столъ. За трапезой старшимъ іеродіакономъ были провозглашены Государю Императору и Его Семѣ, Синоду, митрополиту и намѣстнику лавры съ братіей, посѣтителямъ и благотворителямъ лавры. Во время пѣнія многолѣтій всѣми присутствовавшими, на колокольнѣ производился звонъ.

Въ Сергіевской церкви, переполненной богомольцами, позднюю литургію совершалъ одинъ изъ лаврскихъ архимандритовъ съ братіей.

Позднія литургіи были совершены также въ академическомъ храмѣ и больничной церкви св. Іоанна Лѣтвичника.

Въ Духовъ день и въ день Св. Троицы на московскихъ кладбищахъ перебивала масса москвичей, чтобы поклониться почившимъ родственникамъ. Особенное скопленіе народа наблюдалось 1 іюня на кладбищахъ Лазаревскомъ и Даниловскомъ, въ церквяхъ которыхъ торжественно справлялись престольные праздники.

2 іюня, въ день отпѣванія въ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ экзарха Грузіи, высокопреосвященнаго архіепископа Никона, въ Скорбященской церкви Заиконоспасекаго монастыря совершалъ литургію преосвященный Трифонъ, епископъ дмитровскій, съ оо. архимандритами Борисомъ и Николаемъ и братіей обители при стройномъ пѣніи хора г. Петрова.

Во время богослуженія преосвященный рукоположилъ въ санъ священника къ храму села Ильинскаго, Коломенскаго уѣзда, бывшаго студента 5 семестра математическаго факультета Московскаго университета Бориса Назарова, а при окончаніи литургіи обратился къ молящимся съ глубокопрочувствованнымъ словомъ, посвященнымъ памяти почившаго экзарха.

Паннихиду совершалъ преосвященный Трифонъ съ 3 архимандритами и прочимъ духовенствомъ.

За богослуженіемъ находились: прокуроръ Синодальной конторы Ф. П. Степановъ и масса богомольцевъ.

Объявленія.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Правленіе Общества взаимопомощи регентовъ церковныхъ хоровъ симъ извѣщаетъ, что 17 іюня 1908 г. въ 12 ч. дня въ Москвѣ въ залѣ Синодальнаго учил. церков. пѣнія состоится **Всероссійскій Свѣздъ регентовъ церковныхъ хоровъ**, (композиторовъ, регентовъ, преподавателей пѣнія).

Для недостаточ. членовъ О-ва, имѣющихъ прибыть на Свѣздъ, будетъ предоставлено безплат. помѣщ. (безъ стола) на 30—40 чел. въ Сиводал. учил.

Заявленія о желаніи быть на Свѣздѣ, а также и пользов. безплат. помѣщ., дѣлается въ Бюро по созыву Свѣзда (Москва, б. Аванас. пер., д. Орлова. А. В. Никольскому) до 10 іюня.

Программа занятій Свѣзда: 1) О желательномъ направленіи церковнаго пѣнія. 2) Обь организациі регентскихъ курсовъ. 3) О правахъ регентовъ какъ членовъ причта. 4) Обь общ. вз. р. ц. х. какъ органѣ корпоративнаго объединенія.

Желающіе выступить со своими докладами на Свѣздѣ, благоволятъ доставить таковыя не позже 5 іюня въ Бюро по созыву Свѣзда.

Членскій взносъ по О-ву возобновл. за 1908 г. не позже 1-го іюня у казн. Свящ. Дим. Аллеманова (Москва, д. духов. семин.)

Во время Свѣзда состоится Общее Собраніе Членовъ О-ва и будетъ прочитанъ Отчетъ о дѣятельности О-ва за 1907 г.

Секретарь Свящ. *Дим. Аллемановъ.*

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

Содержаніе Майской—Іюньской книжки.

I. Портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича Самодержца Всероссійскаго (на отдѣльн. листѣ).—II. „Я живу не въ глуши, я живу на юрѣ“. Стихотвореніе. А. В. Круглова. Иллюстр: Символическій рисунокъ.—III. Жасминъ. Разсказъ. I—II. Е. И. Свѣтловой. Иллюстр: Въ гамакѣ. Портретъ автора.—IV. „О не дивись, что ночь такъ голубѣетъ“. Стихотвореніе. (Съ малороссійскаго). П. А. Россіева. Иллюстр: Муза съ лирой.—V. Кавказскій герой. Историческій разсказъ. Н. Иллюстр: Воины. Ордена.—VI. Весеннія грозы Стихотв. А. В. Круглова. Иллюстр: Въ бурю на морѣ.—VII. Софронъ Колуновъ. Разсказъ. I—III. А. Н. Догановичъ. Иллюстр: Съ сѣнокоса. Странникъ на отдыхѣ.—VIII. Въ альбомѣ Н. А. Мучнику. Стих. А. В. Жиркевича.—IX. „Весна идетъ. Я радъ веснѣ“... Стих. А. В. Круглова.—X. Во мракѣ. Изъ жизни слѣпыхъ. I—IV. В. Г. Рязанцева. Виньетка. Цвѣты.—XI. На сухонѣ. Изъ посмертныхъ стихотвореній. Н. А. Иваницкаго. Иллюстр: Портретъ автора.—XII. По Сухонѣ. Отрывокъ. А. В. Круглова. Иллюстр: Рабанга на Сухонѣ. XIII. Деньги. Н. Денисюка.—XIV. „Въ синюющую даль рѣка умчала льды“. Стихотвореніе. А. В. Круглова XV. День въ древнемъ Римѣ. Съ нѣмецкаго. Перев. Е. А. Полушкиной. Иллюстр: Римскій Форумъ и Капитолій.—XVI. Мелодія. Стих. Ф. И. Чернова.—XVII. Пережитое. Житейскія и литературныя воспо-

минанія. VII. А. В. Круглова. Иллюстр: Человѣкъ съ тетрадкой.—XVIII. „Все приумождо, затихло вокругъ“... Стихотв. С. Н. Хазова.—XIX. Пикникъ. Набросокъ. Р. П. Кумова. Иллюстр: Птички подъ зонтикомъ. Сидутъ дѣвочки.—XX. „Весна! и сердце встрепенулось“... Стихотв. Д. П. Варлыгина. Иллюстр: Цвѣты.—XXI. Что надо строеному офицеру. Статья. М. А. Дормана. Иллюстр: Офицеръ пишетъ. XXII. Лѣтнія удовольствія вологжанъ. Изъ воспоминаній о 70—80 годахъ. Л. Д. Александрова. Иллюстр: Портретъ автора. Дѣвочка съ корзинкой цвѣтовъ.—XXIII. Среди друзей и враговъ. (Критика и библиографія). Иллюстр: Критики. Книжное обозрѣніе: 1) За счастье дѣтей. (Д. П. Введенскій За счастье дѣтей). А. Н. Догановичъ. 2) Далекія годы. (Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. Пассекъ). П. А. Россіева. Иллюстр: Т. П. Пассекъ. 3) Неказовой героиней. В. А. Апушкинъ.—Мищенко.—Изъ воспоминаній о Русско-Японской войнѣ). А. Н. Догановичъ. Иллюстр: Портретъ Мищенко. 4) Разказы Данилина. Книга 2-я). А. Н. Догановичъ.—5) Полезная книга. (Критическая литература о произведеніяхъ гр. А. К. Толстого. Сост. Н. Денисюкъ). Кргл.—Журнальныя замѣтки: 1) О журналѣ и газетѣ. А. В. Круглова.—2) О стихахъ Л. Д. Гончаровскаго. 3) Книги, поступившія для разбора. XXIV. Трудовое убѣжище женщинъ. И. П. Иллюстр: Домъ Убѣжища. Въ мастерской Убѣжища.—XXV. Наводненіе въ Москвѣ. (Моментальные снимки). Три рисунка. XXVI. Весѣда. I. Нервъ жизни. II. Опрѣделенность и искренность. А. В. Круглова. Иллюстр: Пчелы на книгахъ. Листья.—XXVII. Искры. (Иллюстр: Съ бичемъ. Гномы). 1) Кстати. (Наброски въ стихахъ). Веселаго Устюжаника. 2) Вездѣущій Палочкинъ. Эскизъ. Скучающаго Вологжанина. XXVIII. Хитрая политика. (Разсказъ-рисунокъ). XXIX. Обо всемъ и отовсюду. I. Изъ очерковъ жизни. II. Городъ во власти социалистовъ. III. Изъ психичес. жизни животныхъ. Иллюстр: Винетка отдѣла.—XXX. Смѣсь. Винетка отдѣла.—XXXI. Какъ встрѣтила пресса „Дневникъ Писателя“.—XXXII. Вопросъ редакціи журнала „Путь Жизни“.—XXXIII. Почта „Дневника Писателя“. Иллюстр: Винетка отдѣла. Концовка.—XXXIV. Объявленія.

Приложенія: Майскіе—Іюньскіе „дневнички“: „Запросы Духа“; „Семья и Школа“; „Родная Старина“; „Военные Отголоски“. (№№ 5—6.).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1908 годъ. II-й г. изданія.

Подписная цѣна: безъ доставки: на годъ 3 р. 20 к., на $\frac{1}{2}$ года 1 р. 80 к., на 3 мѣс. не прин. Съ дост. въ Москвѣ: на годъ 8 р. 60 к., на $\frac{1}{2}$ 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 25 к. За границу только на годъ 6 руб.

Адресъ: Москва, Тверская, д. графини Олсуфьевой, контора журнала „Дневникъ Писателя“. (Редакція тамъ же).

Редакторъ-Издатель *А. В. Кругловъ.*

Содержаніе: Соціаль-демократія и будущій общественный порядокъ.—Келейный дневникъ Московскаго митрополита Филарета.—Прощальное слово воспитанникамъ.—О „новомъ религіозномъ сознаніи“.—Поездка на родину.—Русское хоровое церковное пѣніе.—Божій судъ.—Отъ Высочайше утвержденнаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года.—Лѣтопись епархіальной жизни.—Объявленія.—Резолюціи Митрополита Филарета. (Продолженіе).

При семь № прилагается „Московскій Благовѣстъ“ № 23. Цѣна листовъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выпискѣ на 5 руб., пересылка бесплатно.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извѣковъ.

Исп. об. редактора
Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

ОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

7 іюня.

№. 23.

1908 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣлены:

- 1) На вакансію псаломщика къ церкви с. Внукова, Дмитр. у., сынъ священника Александръ *Сахаровъ*, 26 мая.
- 2) На вакансію псаломщика при Московской Борисо-Глѣбской, на Поварской, церкви учитель Дорковской церковно-приходской школы, Бронницкаго у., Иванъ *Евергетидовъ*, 23 мая.
- 3) На вакансію псаломщика къ Московской Покровской, въ Красномъ селѣ, церкви бывший псаломщикъ Московской Александро-Невской, при Комиссаровскомъ техническомъ училищѣ, церкви Александръ *Махаевъ*, 24 мая.
- 4) На вакансію псаломщика къ Московской Ржевской, на Поварской, церкви учитель Московской Николо-Кленниковской церковно-приходской школы Александръ *Рождественскій*, 23 мая.
- 5) И. д. псаломщика церкви с. Андреевскаго, Дмитр. у., сынъ псаломщика Павелъ *Куровъ*, 26 мая.

Перемѣщены:

- 1) Псаломщики церквей: с. Орудьева, Дмитр. у., Михаилъ *Никольскій* и Троицкой г. Дмитрова Сергѣй *Голубковъ*—одинъ на мѣсто другого, 22 мая.
- 2) На вакансію псаломщика при Московской Троицкой, на Арбатѣ, церкви псаломщикъ Московской Покровской, въ Красномъ селѣ, церкви Сергѣй *Писаревъ*, 24 мая.

Уволенъ за штатъ:

Псаломщикъ церкви с. Андреевскаго, Дмитр. у., Петръ *Куровъ*, по преклонности лѣтъ, 26 мая.

Награда:

Его Высокопреосвященствомъ 20 мая священникъ Христо-рожденческой церкви г. Звенигорода Александръ *Соловьевъ*, награжденъ набедренникомъ.

ОТЧЕТЪ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ Эмеритальной кассы духовенства Московской епархіи за тысяча девятьсотъ шестой (1906) годъ

(Продолженіе. См. № 22).

50. Вдовѣ священника Параскевѣ Ѳеодор. Румянцевой за 1901—1906 гг.	18
51. Смотрителю Заиконоспасскаго дух. училища Василию Петрову Ключареву за 1901—1906 гг.	30
52. Сыну умершаго псаломщика, воспитаннику Моск. Дух. Семинаріи, Влад. Дм. Звѣреву за 1897—1905 гг.	27
53. Заштатному священнику Петру Боголѣпову за 1904—1906 гг.	15
54. Вдовѣ псаломщика Александрѣ Павл. Скворцовой за 1906 г.	5
55. Вдовѣ діакона Маріи Михайловой Богословской за 1905—1906 гг.	6
56. Вдовѣ священника Ал. Мих. Цвѣтковой за 1905—1906 гг.	6
57. Заштатному псаломщику Ив. Ив. Зарину за 1900 г.	3
58. Вдовѣ умершаго протоіерея Елизаветѣ Ивановой за 1905—1906 гг.	10
59. Заштат. псаломщику Григорію Цвѣткову за 1897—1898, 1900—1906 гг.	27
60. Бывшему псаломщику Василию Николаеву Шарову, принятому на военную службу за 1904—1906 гг.	9
61. Дѣтямъ умершаго діакона Антонинѣ, Глафирѣ и Маріи Нечаевымъ за 1897—1905 гг.	27
62. Заштатному діакону Димитрію Іоаннову Кедрову за 1906 г.	5
63. Уволенному за штатъ псаломщику Якову Копьеву за 1897—1906 гг.	30
64. Несовершеннолѣтнимъ дочерямъ умершаго священника Софіи и Александрѣ Михайловымъ Руссовымъ за 1906 г.	10
65. Вдовѣ псаломщика Маріи Сахаровой за 1905—1906 гг.	6

66. Заштатному священнику М. I. Нежданову за 1897—1903 гг.	21
67. Вдовѣ священника Пар. Дим. Воскресенской за 1905—1906 гг.	10
68. Вдовѣ псаломщика Нат. Вас. Успенской за 1897—1904 гг.	24
69. Заштатному священнику В. Авкс. Подобѣдову за 1902—1906 гг.	15
70. Преподавателю Моск. Дух. Семинаріи Дим. Мих. Минервину за 1900—1905 гг.	18
<hr/>	
Всего возвращено взносовъ	1445

Приложеніе № 4.

Списокъ пенсионеровъ Эмеритальной кассы духовенства Московской епархіи.

А. За десятилѣтіе взносы:

По I-му разряду—200 рублей въ годъ:

1. Заштатный діаконъ Московской Успенской, на Малой Дмитровкѣ, церкви К. В. Лебедевъ.

По III-му разряду—100 рублей въ годъ:

2. Сынъ діакона Московской Введенской, въ бывомъ Новинскомъ монастырѣ, церкви А. В. Муравьевъ.

По V-му разряду—50 рублей въ годъ:

3. Вдова протоіерея Московской Николаевской, на Щепяхъ, церкви Е. И. Некрасова.

По VI-му разряду—40 рублей въ годъ:

4. Дочери умершаго протоіерея Крестовоздвиженской, въ Алексѣевскомъ монастырѣ, церкви—Екатерина и Евдокія Сергѣевы Смирновы.

5. Несовершеннолѣтнія дочери умершаго священника Московскаго у., Параскевѣевской, села Кіова-Качалова, церкви Софія и Александра Михайловы Руссовы.

По VII-му разряду—30 рублей въ годъ:

6. Вдова священника Московской Спиридоновской, за Никитскими воротами, церкви М. А. Цвѣткова.

7. Бывшій преподаватель Виѳанской Духовной Семинаріи Н. И. Виноградовъ.

По VIII-му разряду 20 рублей въ годъ:

8. Вдова священника Московской Вознесенской, близъ Срѣтенки, церкви М. Θ. Суворовская.

9. Вдова священника Покровской, гор. Рузы, церкви Е. В. Соколова.

10. Бывшій преподаватель Московской Духовной Семинаріи Н. П. Комаровъ.

11. Вдова священника Московской Тихоновской, у Арбатскихъ воротъ, церкви Н. А. Никольская.

12. Вдова заштатнаго священника Рузскаго у., Иоанно-Предтечевской, села Ащерина, церкви Александра Николаева Боголѣпова.

По IX-му разряду—10 рублей въ годъ:

13. Вдова псаломщика Московской Воскресенской, на Успенскомъ вражкѣ, церкви М. В. Модестова.

14. Вдова священника Подольскаго у., Спасской, села Прохорова, церкви Е. И. Горяинова.

15. Вдова священника Коломенскаго у., Николаевской, села Комарева, церкви А. Е. Сперанская.

16. Вдова священника Можайскаго у., села Порѣчья, Е. Д. Ростокинская.

17. Вдова священника Волоколамскаго у., Предтечевской, села Ярополча, церкви М. Н. Городецкая.

18. Вдова священника Богородскаго у., Николаевской, села Загарья, церкви А. П. Малиновская.

19. Вдова священника Серпуховскаго Владычняго монастыря М. П. Боголѣпова.

20. Вдова діакона Московской Троицкой, въ Голенищевѣ, церкви Ел. В. Уклонская.

21. Вдова священника Московской Покровской, на Лыщиковой горѣ, церкви О. И. Поспѣлова.

22. Вдова священника Волоколамскаго у., Успенской, быв. Левкіева монастыря, церкви М. П. Покровская.

23. Дочь умершаго священника Рузскаго у., села Никольскаго-Гагарина, Вѣра Серг. Успенская.

24. Заштатный священникъ Коломенскаго у., Крестовоздвиженской, с. Бардина, церкви В. В. Виноградовъ.

25. Вдова діакона Московскаго Зачатіевскаго монастыря А. Д. Смирнова.

26. Дѣти умерш. священника Московскаго у., села Тушина, Варвара, Надежда и Георгій Васильевы Друговы.

27. Дѣти умершаго діакона Московской Николаевской въ Столпахъ, церкви Ілія и Вѣра Феодоровы Бардинскіе.

28. Вдова псаломщика Дмитровскаго у., Ильинской, села Левкова, церкви Александра Павловна Скворцова.
29. Заштатный діаконь Московскоя Пименовскоя, въ Новыхъ Воротникахъ, церкви Димитрій Иоанновъ Кедровъ.
30. Вдова священника Московскаго Вознесенскаго монастыря Марія Николаева Казанская.

По X-му разряду—6 рублей въ годъ:

31. Вдова священника Можайскаго у., Спасо-Бородинскаго дѣвичьяго монастыря А. Г. Орлова.
32. Вдова псаломщика Коломенскаго у., Покровскоя, села Авдулова, церкви Т. В. Орлова.
33. Вдова псаломщика Московскоя Николаевскоя, въ Хлыновѣ, церкви А. Ѳ. Успенская.
34. Вдова діакона Серпуховскаго у., Иоанно-Предтечевскоя, села Ивановскаго, церкви В. Н. Соколова.
35. Заштатный діаконь Бронницкаго у., Воскресенскоя, села Ашиткова, церкви С. А. Пушкинскій.
36. Дѣти умершаго діакона Звенигородскаго у., Преображенскоя, села Дмитровскаго-Андреевскаго, церкви С. С. Недумова.
37. Заштатный священникъ Звенигородскаго у., Христорождественскоя, села Филатова, церкви Ѳ. І. Ильинскій.
38. Заштатный священникъ Звенигородскаго у., села Покровскаго-Давыдкава, Покровскоя церкви П. Д. Троицкій.
39. Заштатный діаконь Рузскаго у., Богородицерождественскоя, села Казанова, церкви П. Д. Соловьевъ.
40. Вдова псаломщика Звенигородскаго у., Знаменскоя, села Голубова, церкви Ир. Ив. Успенская.
41. Заштатный псаломщикъ Московскоя Покровскоя, въ Кудринѣ, церкви А. С. Кудрявцевъ.
42. Вдова священника Петропавловскоя, гор. Волоколамска, церкви Е. Д. Волхонская.
43. Дочери умершаго діакона Московскоя Никольскоя единодѣрческоя, при Рогожскомъ богадѣльномъ домѣ, церкви М. и А. Соколовы.
44. Вдова священника Рузскаго у., Богородицерождественскоя, села Казанова, церкви А. Д. Совѣтова.
45. Вдова псаломщика Клинскаго у., Успенскоя, села Зосимовой пустыни, церкви П. Е. Финикова.
46. Вдова заштатнаго священника Богородскаго у., Петропавловскоя, при рѣкѣ, Клязьмѣ, церкви Е. Ив. Лихачева.
47. Заштатный священникъ Коломенскаго у., села Лыкова, М. Н. Михайловскій.
48. Вдова священника Клинскаго у., Крестовоздвиженскоя, погоста Дмитріевскаго, что въ Кругу, церкви О. Е. Счастлива.
49. Дочери умершаго священника Московскоя Троицкоя, въ Покровскомъ, церкви М. и Е. Цвѣтаевы.

50. Вдова псаломщика Коломенскаго у., Покровской, села Авдулова, церкви Александра Вас. Орлова.

51. Вдова псаломщика Можайскаго у., села Милятина, Варвара Николаева Высотская.

52. Заштатный псаломщикъ Богородскаго у., Ильинской, погоста Муравьищъ, церкви Иванъ Ив. Горскій.

53. Вдова діакона Клинскаго у., Дмитріевской, погоста Дмитріевскаго, въ Донховѣ, церкви Ольга Ив. Лаврова.

54. Заштатный діаконъ Коломенскаго у., Всѣхвятской, села Боброва, церкви Павелъ Васильевъ Лебедевъ.

55. Вдова умершаго псаломщика Московскаго у., Владимірской, села Богородскаго-Краскова, церкви Екатерина Михайлова Вознесенская.

56. Заштатный псаломщикъ Дмитровскаго у., Николаевской, села Подмошья, церкви Петръ Ѳедор. Горскій.

57. Вдова священника Московскаго у., Николаевской, села Литвинова, церкви Глафира Ив. Казанцева.

58. Вдова псаломщика Богородскаго у., Покровской, села Карпова, церкви арія Яковлева Другова.

59. Вдова священника Московскаго у., села Вантѣва, Елизавета Стефанова Станиславлева.

60. Вдова псаломщика Подольскаго у., Вознесенской, села Шбанцева, церкви Марія Петрова Суворова.

61. Заштатный діаконъ Вознесенской, въ Сергіевомъ посадѣ, церкви Павелъ Петровъ Орловъ.

62. Вдова діакона Серпуховскаго у., Михайло-Архангельской, села Михайловскаго, церкви Клавдія Петр. Мошкова.

63. Заштатный діаконъ Богородскаго у., Богоявленской, села Бисерова, церкви Алексѣй Александровъ Сперанскій.

Б. За пятнадцатилѣтніе взносы:

По I-му разряду—300 рублей въ годъ:

64. Заштатный протоіерей Московской Троицкой, на Хохловкѣ, церкви Павелъ Констант. Розановъ, а за его смертію вдова его Анна Стефанова.

По III-му разряду—150 рублей въ годъ:

65. Вдова діакона Московской Софійской, на Лубянкѣ, церкви Вѣра Петр. Некрасова.

По VI-му разряду—60 рублей въ годъ:

66. Вдова протоіерея Московской Крестовоздвиженской, въ Алексѣевскомъ монастырѣ, церкви Любовь Ив. Нечаева.

По VIII-му разряду—30 рублей въ годъ:

67. Вдова протоіерея Московской Успенской, на Покровкѣ, церкви Л. А. Касицына.
68. Вдова священника Волоколамскаго Воскресенскаго собора Над. Георг. Иванова.
69. Заштатный діаконь Московской Спасской, во Спасскомъ, церкви Н. В. Терновскій.
70. Вдова діакона Богородскаго у., Троицкой, села Купавны, церкви М. С. Успенская.
71. Неизлѣчимо-больной сынъ умершаго священника Волоколамскаго Воскресенскаго собора Н. І. Стебелевъ.
72. Вдова священника Іоакиманской, села Іоакиманскаго, церкви, Клинскаго у., Александра Алексѣева Постникова.
73. Дочери умершаго священника Клинскаго у., села Зосимовой пустыни, Татьяна, Олимпиада и Клавдія Михайловы Хотьковскія.
74. Вдова священника Московскаго у., Ильинской, села Черкизова, церкви Людм. Ив. Смирнова.

По IX-му разряду—15 рублей въ годъ:

75. Вдова священника Московской Успенской, въ Гончарахъ, церкви Н. А. Ремезова.
76. Заштатный священникъ Волоколамскаго у., села Ивашкова Василий Гиляровъ.
77. Вдова діакона Московской Девятинской, близъ Прѣсни, церкви А. И. Недумова.
78. Заштатный діаконь Коломенскаго у., Григоріе-Богословской, села Возцевъ, церкви М. Н. Смирновъ.
79. Вдова священника Серпуховскаго у., Предтечевской, села Ивановскаго, церкви Клавдія Петрова Бѣлокурова.
80. Вдова священника Волоколамскаго у., Преображенской, села Спасскаго, церкви Софія Іоан. Смирнова.
81. Дочь умершаго заштатнаго протоіерея Тихвинской, въ гор. Богородскѣ, церкви Ольга Александр. Успенская (въ половинномъ размѣрѣ, т. е. 7 р. 50 к. въ годъ).
82. Вдова діакона Московской Власіевской, въ Старой Конюшенной, церкви Варвара Георг. Ключарева.
83. Вдова священника Клинскаго у., Казанской, села Флоровскаго, церкви Ольга Вас. Извъкова.
84. Вдова священника Подольскаго у., села Покровскаго, Анна Ник. Крылова.

По X-му разряду—9 рублей въ годъ:

85. Вдова священника Коломенскаго у., Николаевской, погоста Старковъ, церкви О. Вас. Озерцековская.

86. Заштатный діаконъ Клинскаго у., Преображенской, села Селинскаго, церкви А. Аѳ. Бѣляевъ.
87. Заштатный священникъ Бронницкаго у., Ильинской, села Большаго Ивановскаго, церкви С. П. Солнцева.
88. Вдова священника Дмитровскаго у., Тихвинской, села Костина, церкви Серафима Ѳеод. Писарева.
89. Вдова псаломщика Московскаго у., Троицкой, села Свиблова, церкви П. М. Орлова.
90. Заштатный священникъ Звенигородскаго у., Знаменской, села Знаменскаго - Денисьева, церкви Константинъ Павловъ Хитровъ.
91. Вдова заштатнаго псаломщика Богородскаго у., Троицкой, села Купавны, церкви Над. Дм. Даниловская.
92. Заштатный діаконъ Успенской, села Зосимовой пустыни, церкви Клинскаго у., Василий Глѣбовъ Цвѣтковъ.
93. Заштатный діаконъ Московскаго Зачатіевскаго монастыря Николай Ив. Рудневъ.

В. За двадцатилѣтніе взносы:

По I-му разряду—400 рублей въ годъ:

94. Вдова преподавателя Московской Духовной Семинаріи Екатерина Александр. Рождественская.

По III-му разряду—200 рублей въ годъ:

95. Вдова протоіерея Московской Трифоновской, въ Напрудной, церкви Екатерина Петр. Дьяченко.

По V-му разряду—100 рублей въ годъ:

96. Дочь умершаго священника Рузскаго у., Николаевской, села Лужковъ, церкви Марія Алексѣевна Купленская.

По VII-му разряду—60 рублей въ годъ:

97. Вдова священника Покровской, въ гор. Волоколамскѣ, церкви Анна Ив. Муравьева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О П Е Ч А Т К А.

Въ № 22 на стр. 147 строка 7-я снизу напечатано: Новгородскаго, слѣдуетъ: Новоголутвина.